

Устная история забытых войн
Мемуары ветеранов войны в Анголе

Гвардии подполковник артиллерии в отставке
Чернецов Евгений Петрович

Самые памятные дни

ISBN 978-5-904935-40-5

9 785904 935405 >

 Memories
2013

**Гвардии подполковник артиллерии в отставке
Чернецов Евгений Петрович**

**Устная история забытых войн
Мемуары ветеранов войны в Анголе**

Самые памятные дни

 Memories

Москва
Издатель И.Б. Белый
2013

ББК 63.3 (6)
Ч49

Редактор-составитель
к.и.н. **Шубин Г. В.**

Дизайнер-верстальщик
Рудакова Елена Евгеньевна.

Чернецов Е. П.
Ч49 Самые памятные дни — Москва: Издатель И. Б. Белый,
2013. — 144 с. с илл.

ISBN 978-5-904935-40-5

ББК 63.3 (6)

© Чернецов Е. П., 2013
© Институт Африки РАН, 2013
© Шубин Г. В., составление, 2013
© «Memories», оформление, 2013
© Издатель И. Б. Белый, 2013

ISBN 978-5-904935-40-5

*Женам советников Вооруженных Сил
республики Ангола посвящается.*

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1

К вопросу о некоторых командировках.....	5
Отъезд	5
В миссии ГВС	12
5-й Военный округ	16
Вириамбундо, Чибемба, июнь 1980-август 1981 года	29
Учения в Шангонго	81

Часть 2

К вопросу о некоторых командировках.	
Второй год пребывания.	85

Примечания к дополнениям, сокращениям:

к-р – командир;

адн – артиллерийский дивизион;

ПБр – пехотная бригада;

ВО – военный округ.

1 К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ КОМАНДИРОВКАХ

Отъезд

В начале 1980 года, кажется в январе, меня вызвал к себе в кабинет замполит полка и то ли предложил, то ли приказал, а командира тогда не было на месте, собраться в командировку в качестве военного советника в Анголу, к кубинским товарищам. Причем было твердо обещано, что если откажусь, то партбилет на стол со всем вытекающим. А мне этого очень не хотелось, последнего, поскольку после весенней инспекторской проверки (в марте-апреле) я должен был идти на повышение или начальником штаба одного из полков своей артиллерийской дивизии, или командиром отдельного дивизиона в одну из дивизий на Карельском перешейке. Второй вариант был очень интересен своей перспективой, так как планировалось такие отдельные дивизионы развернуть в полки, что и произошло несколько позже и без меня. « Мимо рота носят чачу... ». В общем, пришлось согласиться, и буквально через день начальник отдела кадров дивизии направил меня на медкомиссию в гарнизонный госпиталь, вместе с женой. Как оказалось и она должна тоже собраться со мной. Прошел комиссию, жена тоже. Ждем вызова. Прошел февраль, потом март. Тишина. «Кадры» ни гу-гу. Потихоньку начал забывать, что куда-то собирался. Командир полка, Алексей Веташенков, уже сказал, что я пойду в мае на отдельный

дивизион в Хийтолу, кто служил в ЛенВО, тот знает, где это. В принципе не очень далеко от Питера. Меня это полностью устраивало. И вот 17 апреля, в свой день рождения, прихожу я в полк полный уверенности в сегодняшнем и завтрашнем дне и дежурный по части зовет меня к телефону, поскольку я был рядом с дежуркой. Беру трубку, а там кадровик дивизии с вопросом: «ты дивизион сдал?». Сначала я не понял вопроса, а потом «Блин.....! ! !». В общем, я понял из всего сказанного и мной кадровику и кадровиком мне, хороший мужик был, что мне надо быть в Главном штабе Сухопутных войск в Москве, в 10 утра 18 апреля. Делать нечего, пошел к командиру с извинением, что застолья не будет. Веташенков только руками развел, замполита не спросишь, слинял сукин сын, а ему самому распоряжение, как снег на голову. Болеть не надо. Срочно был отправлен один комбат за водкой и закуской, второй засел писать ведомость сдачи –приема под руководством начальника штаба, ему же принимать все хозяйство, третьего отправили в парк за машиной, чтоб была наготове развозить, если понадобится, тела павших бойцов. Позволил домой, услышал, что меня любят и ждут, и рубашки погладят.

Часам к 13 всё было сделано – написано и подписано, принесено, разложено и налито. Замполита не позвали, он, изволите видеть, забыл сказать о новости еще несколько дней назад, как выяснилось. Ну, не?! Посидели, попросились, и я поехал на вокзал в Питер брать билеты на «вечернюю лошадь». В Москву поезд приходил где-то около 6 утра, других билетов было не купить, так что не выспался и как-то кушать охота. Поскольку Ленинградский вокзал мне был не знаком, то поехал на знакомый, Белорусский. Все-таки почти 5 лет ездил через него в Германию и из Германии. Не все еще забылось, да и время как-то нужно было

потратить. На Белорусском встречаю еще одного кадра, Володю Сытенку, учились вместе на Центральных артиллерийских курсах. Слово за слово, выяснили, что нам в одну и ту же сторону и даже в один кабинет. Стало веселее. Ну, а потом нашли и предприятие общепита, и стало совсем хорошо. И помылись и побрились и поели. Чудо! К 9 утра прибыли в Главный штаб, хотя в предписании стояло: к 10. Но ведь делать-то было нечего. Дождались. Пробыли там, самое большое, минут тридцать. Пока нашли кабинет и доложились. «Вас ждут в 10-м управлении Генерального штаба. Станция метро «Арбатская». К полковнику Сунцову. По возвращении из командировки прибыть к нам. Свободны товарищи». Поменяли нам с Володей командировочные предписания и двинулись мы на Арбат. Нашли. В бюро пропусков как будто только нас ждали, быстро все оформили и пошли мы искать загадочного товарища, полковника Сунцова. Собственно искать то не пришлось, в бюро пропусков все рассказали, как и куда двигаться. Пришли, народу, как и мы, достаточно много, доложились. Получили указание ждать. Уже и не помню, сколько ждали, но что вот точно, еще до обеда нас собрали в каком-то классе, человек 15, проинструктировали насчет наших дальнейших действий и вручили направление в гостиницу на ул. Мосфильмовская. Как потом узнал: кличка «чекистская», от слова «чеки». Размещались в номерах попарно, кому с кем удобнее. В группе оказались знакомые между собой ребята, и вопрос размещения решился быстро.

На следующий день начались наши хождения по кабинетам, где для осмотра, где для инструктажа, и обязательное посещение поликлиники. Вкатили каждому по несколько уколов, от всякой заразы, и дали несколько баночек с таблетками от малярии. Некоторые прививки действительно болезненные, но я их перенес хорошо, без

температуры и прочих прелестей, типа болей под лопаткой. Запомнилось еще, что везде мы ходили группой, и старшим у нас был подполковник, как сейчас бы сказали «лицо кавказской национальности», будущий советник начальника штаба бригады. Пробыли мы в столице нашей родины десять дней. В один из последних дней нас всей группой направили на Старую площадь, в военный отдел ЦК КПСС. Особенно не стращали, я этого не запомнил, но сказали, чтобы, в случае чего..., не посрамили честь коммуниста, ну и т.д. Сдали партийные билеты, после командировки, мол, получите обратно. Вот, только сейчас понял, что совершенно не помню – где потом получал его обратно. Выпало как-то. В течение этих десяти дней приобрели билеты на самолет, приделались, кому это было нужно, на складе 10-го управления, встретили жен или съездили к женам. Кстати насчет переодевания на складе. Совершенно ненужная операция была, как потом для себя определил. Срок носки обмундирования, армейского, продлевался на два года. Но это уж я потом уяснил, когда поздно было, и ордер на получение штатской одежды был выписан. Пришлось взять минимум и то отправить домой с женой. Жена моя, кстати, была со мной почти до самого отлета, а улетали мы 1-го мая. Поскольку жена была со мной в Москве, то естественно, мы много гуляли по городу, когда были свободны. Жена Володи Сытенко, Наташа, тоже была с ним, приехала их Калининграда. Жили они в соседнем номере, поскольку он был за кем-то из наших ребят из группы, а те жили то ли у родственников, то ли у знакомых, но номер был свободен, чем мы с Володей и воспользовались. Все равно оплачено десяткой. За два или три дня до отлета нашу группу собрали в одном из больших кабинетов управления и рассказали, кто, куда будет назначен. Мне было объявлено, что я назначаюсь совет-

ником командира отдельного артиллерийского дивизиона 130 мм пушек¹, окружного подчинения, на юге Анголы, в населенном пункте Вириамбундо. Сбылась мечта идиота! А если серьезно, то действительно мечтал быть командиром отдельного пушечного дивизиона, как отец в годы войны. Он был командиром отдельного тяжелого пушечного дивизиона и прошел Москву, Сталинград, Ленинград, и только весной 1944 года ушел на другую должность.

Но мечта мечтой, а реальность это совершенно другое. Интересная кстати деталь. В самом начале беседы о назначениях, был аудитории задан вопрос: все ли знают куда назначены.

Так вот некоторые из нашей группы ответили утвердительно, в частности «лицо кавказской национальности» и еще некоторые. Может быть, это решалось в, так сказать, приватной беседе несколько раньше? Вполне возможно. Для меня же это было неожиданностью. Это была последняя беседа-инструктаж в 10-м Главном управлении Генерального штаба МО СССР. Накануне отлета сдали свои чемоданы в багажное отделение аэропорта Шереметьево I, пройдя, естественно, таможенный контроль. Вот тут я могу ошибиться, возможно, в день отлета с раннего утра сдавали багаж, но у меня что-то не отложилось в памяти, чтоб мы провели остаток времени на площади перед постаментом с Ил-18. Буду считать, что улетали на следующий день 1-го мая 1980 года, в 21 час. Небо было облачно, самолет, Ил-62, летит быстро, времени до салюта было вагон, и салют пролетел мимо нас. А хотелось посмотреть, никогда не видел салюта в Москве. В полете ничего необычного не было, хотя я и не очень жалую воздушную стихию, но отрыв был

¹ М-46 калибра 130 мм. Дальность выстрела до 27,5 км.

совершенно не заметен, видимо сказывался класс пилотов. Летели ровно один час до Будапешта. Прилетели, а там опять время 21 час. Очень мягкая посадка, замена экипажа, дозаправка или еще что-то, легкий променад для пассажиров по совершенно пустому сараю, именуемым аэровокзалом, с фонтанчиками для питья и закрытыми киосками или магазинами, и через час снова в дорогу, т.е. полет. А вот во время стоянки лайнер был оцеплен то ли полицией, то ли пограничниками с «друзьями человека» присутствовавшими без намордников. Доверяли нашему брату, советскому человеку. В полете выяснилось, что кроме «двуногих» в салоне присутствует и четвероногое, маленькое еще, но ужасно породистое, которое его чернокожий хозяин обещал вырастить в злобного полицейского пса. Песику требовалось по нужде и ему все собирали газетки, чтоб не пачкал ковер на палубе. Как он вырастет, ума не приложу. Собаки северных стран очень плохо переносят жаркий климат, и это на генетическом уровне. Но вот же, летел. В полете кормили, откровенно говоря, здорово, а уж как часто.... Только пожуешь и наладишься подремать, как снова предлагают что-либо схавать. Иногда пропускал. Спиртное предлагали, но... за валюту. Это то, что крепче 18 градусов. Сухое входило в меню ужина обеда завтрака. С нами в салоне летели рыбаки, после отпуска, и потому было весело и жарко, но к счастью они быстро утомонились. В иллюминатор видны были изумительные картины, равнины облаков и луна. Это нужно видеть! Красота! Но большую часть пути я, как ни странно, старался спать. По этой причине долгий полет в 11 часов мне не показался утомительным. Утром: «пристегните ремни, наш самолет совершает посадку...». Браззавиль, Конго. Вышли из салона под открытое небо, первое впечатление, что попали в хорошую парную. Солнце за тучами и духота страшная. Ну, а как

еще может показаться человеку с севера, а? побыстрее под крышу аэровокзала! Тут хорошо! Кондишены! И все лотки и палатки с магазинами опять закрыты. Почему? Оказывается слишком рано.... Кстати, аэровокзал в Браззавиле мне понравился больше, чем в Будапеште. Наверно потому, что светло уже было, хотя и раннее утро. Стоянка была, кажется, минут 50 или час. И опять в воздух. Последний перегон и на месте. Приземлились, экипаж с нами попрощался, и двинулись мы в здание вокзала. Уже позже, когда прилетела жена, я узнал, что можно было пробрести в самолете сертификат «пересекшему экватор». У жены такой был, а у меня нет. Вне самолета было жарко, но не было той духоты как в Конго. Так что сначала было все нормально. Встретили нас переводчики и миссии Главного военного советника, помогли заполнить въездные документы, записали кооператорами, и провели быстренько через контроль к автобусу. Двинулись в миссию. Первое впечатление от дорог и улиц, по которым проезжали: «Блин! Куда это мы попали? Все на ЩА – пылица, жарница, грязница.». И жалкий, маленький броневичек буров² под громилой БРДМ³. В общем, как говорил Негорро⁴ – гадский боцман – «Это вам не Америка, это Ангола!». Говорят первое впечатление самое верное, но вот, подишь ты, сколько лет прошло, а все как наяву. Года два назад встретил человека, который был в тех же местах в качестве военного врача советской группы, при миротворческой миссии ООН. И вспоминали, как при-

² Буры – африканеры (потомки белых колонистов преимущественно голландского и французского происхождения) проживающие в ЮАР.

³ Ныне демонтированный памятник БРДМ-2 таранит южноафриканский пушечный броневик АМЛ-90.

⁴ Отрицательный персонаж приключенческого романа «Пятнадцатилетний капитан»

летели, где что видели, как себя чувствовали. Вспоминается, как будто все это происходило с тобой только вчера. Но, к сожалению, лица, молодые тогда, помню, а вот имена и фамилии уже стал забывать. И все равно опять хочется поехать туда, где был таким молодым. Как будто в машину времени попадаешь. Назад, в молодость. Видимо, для меня, это были самые яркие и насыщенные действием, работой годы. Хотя и связанные с определенным риском. Именно поэтому они и вспоминаются, с учетом поправки на время.

В миссии ГВС

Прибыли в миссию. Несколько домиков, клуб, столовая, магазин, гаражи, летняя эстрада с сидениями для зрителей в виде амфитеатра. Все постройки на возвышенности, видна часть города и, конечно, океан. Миссия огорожена, на входе, у ворот, охрана, дежурный офицер и дежурный переводчик. Все, почти, так как в Союзе, только мне показалось это все каким-то не серьезным, что ли. Видимо из-за отсутствия военной формы на дежурном и переводчике, да и охранник был в тапочках, хотя и в подобии формы, и все с оружием.

Ну и еще очень вольное, я бы сказал фамильярное, отношение переводчика к дежурному.

Как бы там ни было, завели внутрь территории, разместили по комнатам, дали возможность привести себя в порядок после полета и не пригласили на завтрак, только поставили на довольствие. В столовую с обеда и далее... . Но в 9 или 10 часов всем быть в клубе на инструктаже Главного Военного Советника (ГВС). И предупредили, чтобы переоделись в самодельную военную форму, т.е. привезенные из дома зеленые брюки и рубашки армей-

ские с коротким рукавом, кому как сделали жены. Начали приводить себя в порядок. И первый шок....ТАРАКАНЫ! И какие! Огромные, каждый не менее 3–4 сантиметров в длину, черные, только что не летают. Таких никогда не видел! И самое главное – сидят и плавают в ванной. Вода из кранов не идет, набирать и сливать самому себе, черпая из ванной. Пришлось устроить натуральную охоту на супостатов. Победили. Помылись, побрились, оделись и направились в клуб. Народу собралось довольно много, мне показалось, что ряды были заполнены все. Сидели каждый по своим подразделениям, т.е. летчики, штабные и т.д. Нас, новичков, построили у сцены, лицом к залу, и каждый представился по будущей должности и воинскому званию. На этом наше представление обществу закончилось, и начался инструктаж, точнее «накачка». Это, естественно, не напоминало обычный утренний развод на занятия и работы. Все-таки армейский штаб. А повод для такого общего сбора был. Первый комичный и грешной. Как сказал Главный – Шахнович : «...такие офицеры позорят наши вооруженные силы. Не отличить порошка от мыла! Позор!», « Идите сюда, товарищ офицер! Вот, поглядите на него, привел женщину и решил ее помыть, ну, черная..., так этот ...удак не нашел ничего лучше стирального порошка ОМО, как будто для этого мыла нет. И споласкивать, споласкивать надо было! Чтоб потом не приходили и не жаловались, что после знакомства с нашими офицерами у женщин тело чешется. Товарищ Кирсанов разберитесь ! » Все, кто сидел в зале, особенно на последних сиденьях, шеи повытягивали, чтоб поглядеть на этого «зверя в человеческом обликии». Позже выяснилось, что парень снял какую-то черную, из obsługi миссии, а она через день пришла к доктору миссии и пожаловалась на то, что все тело чешется после знакомства. Ну и пошло разбирательство.

Чем кончилось, не знаю, через три дня, по-моему, улетели в округ. По второму вопросу выступил Советник начальника ПУ ВС НР Ангола – товарищ генерал Кирсанов. О чем он говорил, уже не помню. Видимо что-то незначительное, поскольку в памяти не отложилось. На этом весь «развод на работы» закончился и все разбрелись кто куда. По специальности. Нас, артиллеристов, собрал советник начальника артиллерии ВС⁵ Анголы полковник Фомин, кстати, довольно известная в среде артиллеристов военного времени фамилия, но не факт, что родственник. Я так его и не спросил об этом. Первое, что его интересовало – это образование каждого, второе – кого, куда назначили, третье – кто со 130-ок⁶. Поскольку я уже в Москве был ориентирован на эту систему, то сказал об этом. Перечислив вопросы, Фомин начал знакомиться с каждым конкретно. Кто, откуда, образование, каков опыт в должности, ну, и прочие мелочи. Со мной вопрос потребовал консультации с ГВС. Должность была в президентском полку и системы те же, но на юге советник был нужнее. Шахнович распорядился направить на юг, хотя Фомин хотел, чтобы я остался в Луанде и помогал ему. Он же был один, других артиллеристов в штабе не было. А тут советник командира дивизиона и с академическим образованием. Но с приказами не спорят. Вот в этой беседе новоприбывших с Фоминым и прошла половина дня. Подошло время обеда и, наконец, мы поели горячего. Общее впечатление: жидко, но с голоду не умрем. И, говорят, вечером, на эстраде, будет пиво! После обеда снова занятия с Фоминым. Вопросы специальности, оценка местных условий, их особенности,

⁵ Вооруженных сил

⁶ Пушка М-46

оценка местных командиров, их подготовка и способности. В общем, обо всем, что может пригодиться в будущей работе. Подошло время ужина. Ни чем не отличается от обеда, только без первого, жидко. Вечером пива нам, новичкам, конечно, не досталось, продавали-то на местную валюту, а в долг никто не давал. А этих денег у нас не было, как впрочем, и других. Пришлось двигать в клуб, в кино. Хоть так убить время.

Вечер, ложимся спать. Опять проблема – комары! Комары – это страшно! Нас же инструктировали, даже таблетки дали, которые мы начали принимать. Это наверняка малярия! «Но у нас было!» Достали, и накомарники в том числе, какие кто сделал, и проблема была решена. Самым красивым и большим накомарником был признан мой! Еще бы! Из оконного тюля! С красивым рисунком! И большой, на двуспальную кровать! Я гордился творением супруги, не пожалевшей любимого тюля! Ну, вот не было другого материала у нее под рукой. На следующий день мы, новички, были уже полноправными членами коллектива, появились первые знакомые. Снова занятия с Фоминым, но уже по проверке наших знаний. Ничего сложного, рутина. Так прошло, кажется три дня. Скучно. Наконец как то утром, в столовой, за завтраком, к нам, с Володей Сытенко, подошел дежурный и сообщил что через час уходит на аэродром «таблетка» (УАЗ 452 санитарный) и мы должны ехать. Борт пойдет на Лубанго, в 5 Военный округ. Уж и не помню, кто ехал с нами еще, но приехали мы на аэродром и там торчали в тенечке еще часа три-четыре. Пока готовили борт (Ан-12), пока загрузили, мы уже и проголодались, но.... Пришлось терпеть до места прибытия. Наконец сказали нам грузиться, и садиться где придется. По центру грузовой кабины усадили человек сорок черненьких солдатиков. И мы полетели. Полет проходил спокойно и, на

первый взгляд, не очень высоко. По крайней мере, четко видел животных на земле. А земля – это чудо! Красный цвет почвы, еще зеленые и уже серые кусты и деревья (начался сухой сезон), черно-серо-коричневые скалы. Цвет не забываемый! Все время полета смотрел в иллюминатор, и ничего не видел и не слышал, что делается вокруг, т.е. на борту. Летели примерно два часа, без промежуточных посадок. И, наконец, кто-то из борттехников сообщил, что мы на месте и идем на посадку. Очень странно выглядел заход на полосу со стороны гор, которые окружали город с трех сторон, подковой. Самолет сделал круг и мы на земле.

5-й Военный округ

Здороваемся со встречающими, знакомимся, один из них советник начальника артиллерии округа Шулаков Анатолий Семенович, второй советник начальника инженерной службы Толя, и специалист по ремонту автотехники..... Равиль. Забираем свои пожитки и отправляемся к машинам. Конечно, артиллеристы к своему начальнику. По дороге в миссию Анатолий Семенович пытается нам показать достопримечательности города, как он их знал. Крест на горе, как в Бразилии, железнодорожный вокзал, дом комиссара провинции. Дом энергетиков, дом строителей и, наконец, миссия СВС 5 Военного округа. Обычный многоэтажный жилой дом. Пять или шесть этажей. Если смотреть с боку, похож на дома советской постройки, из-за лоджий. Цвет стен темно-серый, как бетонная шуба бугристый. Два подъезда. В одном из подъездов охрана из местных солдатиков, с пулеметом Дегтярева образца 1928 года, круглый диск сверху, и автоматами. Да и встречавшие нас офицеры тоже были вооружены не только писто-

летами, но и автоматами. Непривычно после Луанды. Оказывается, Толя был дежурным по миссии, а Равиль приехал встречать какой-то груз. Оказывается, выезд за пределы миссии должен быть во всеоружии. Даже в городе. Это нам с Володей потом разъяснили. С чем это было связано, я так и не понял, потому что несколько позднее народ ходил без автоматов, только пистолеты и то не все и всегда их одевали. А пока пошли размещаться, представляться начальству, и знакомиться с будущими сослуживцами. Разместились временно у Равиля, у него еще не приехала супруга, и было достаточно места. Представились Старшему группы советских военных советников в 5 Военном округе Шишканову Владимиру Алексеевичу, советнику начальника штаба Ратушному Владимиру Филипповичу, и советнику начальника политуправления Молотай Сергею Иосифовичу. Артиллеристу представились в аэропорту. Узнали, где, на данный момент, находятся наши части и ...отправились отдыхать. Оказалось уже вечер, 17 часов... Где ужинали уже и не помню. Вот совсем вылетело из головы, где и как питались, пока были в Лубанго. Потом-то, значительно позже, это уже не было проблемой, но вот первые дни... . За суетой первых дней прибытия совсем не заметили подошедшего праздника 9-го мая. В один из дней перед праздником нас с Володей повез переодеваться во все ангольское советник начальника тыла округа полковник Чмыхун, пожилой человек, прошедший войну. Меня просто поразил склад вещевого имущества. Огромный бетонный ангар, разделенный внутри не высокими перегородками–ячейками, как коровник, с полом из шлака. В одном отсеке обувь –высокие ботинки на шнуровке, хромовые и яловые. В другом форма – брюки и рубашки, ремни. В следующем – головные уборы, береты зеленого цвета. Еще в одном–рюкзак, комбинированные котел-

ки, состоящие из собственно котелка и столовых приборов, в чехле, бритвенные станки фирмы «Жиллетт». Что там было еще? Это знали только Чмыхун и господь бог. Переоделись, посмотрели на бирки, оказывается Куба, а материал х/б явно советский, но окрашен на Кубе, пятнистый камуфляж. Теперь, нужно получить оружие, а то без него, как голый. Все вооружены, а мы что? Получаем популярное разъяснение, что пистолеты и прочие пулеметы получим в своих частях. Володе не выдали, ну а мне, поскольку подчинен непосредственно округу, выдали автомат АКМ в комплекте и даже патроны на четыре рожка. Накануне праздника из бригад приехали старшие групп с политкомиссарами и начальниками артиллерий бригад. Из 2й бригады привезли заболевшего малярией советника командира батальона Перова Петра. Состояние его было очень тяжелым, его сразу же отвезли в кубинский госпиталь и положили под капельницы. В сознание он не приходил. Таким образом, праздник был омрачен болезнью товарища. Он приехал 20 апреля, т.е. из первой группы советников звена батальон-дивизион. Петру сделали переливание крови, но это, вроде, не помогло. Потребовалось новое переливание, а в госпитале кубинцев и ангольском нужной крови и в нужном количестве не оказалось. Все советники пошли становиться донорами. Вот таким образом я узнал свою группу крови – АВ IV (Rh+). Как ни странно, за все годы службы никогда и нигде у меня не брали кровь на предмет определения группа, А может быть, я этот момент пропустил каким-либо образом? Не помню. Точно только, что в моем удостоверении личности штампель, или запись о группе крови отсутствовали. Таким образом в доноры я не попал, нужна была первая группа, резус отрицательный (до сих пор помню). Положение спас, как говорили, полковник Шруб советник коман-

дующего ВВС Анголы, прилетевший на истребителе МиГ 21 и доставивший так нужную кровь из Луанды. Правда это или вымысел, судить не берусь, но Петра вытянули. Через некоторое время его перевезли в столицу, а потом и в Москву, но когда это было, уже не помню. Слышал, что он поправился, но был комиссован по состоянию здоровья. Ну, а пока он болел, в госпитале было установлено дежурство советников. Все, за исключением начальства, дежурили по два или три часа. Чем могли помочь, непонятно, но сочувствие и внимание проявили. Интересный случай произошел в эти же дни в госпитале. Привезли еще одного советника из Каамы, Алексея Степаненко, со всеми признаками малярии. Его провели мимо окон палаты, где лежал Петя Перов. Окно палаты было на уровне асфальта отмотки здания и раскрыто настежь. Койка Петра была видна, со всеми ее капельницами, и сам Петр был виден под марлевым противомоскитником. Алексей еле двигался, а как увидел такую картину, так сразу выпрямился, походка стала другой, совсем другой человек. Сделали ему экспрессанализы на малярию, и что вы думаете, только следы перенесенного заболевания. И так, вот, бывает.

Девятое прошло, и советники комбригов начали разъезжаться. Володю Сытенку комбриг Боярский забрал с собой. Мне же ехать пока было некуда, домик для советника в дивизионе был не готов ко вселению. Будущего моего напарника, Толи Мазепова, на месте не было. Его дивизион, 122мм гаубиц Д-30, был на боевых позициях под Шангонго, и должен был вернуться через несколько дней. Поскольку я не был загружен работой, то тотчас мне было найдено применение в качестве дежурного по миссии. В обязанности входило дежурить по ночам, слушать радио Москвы, на коротких волнах, по обычному приемнику, записывать последние новости и сообщать их на утреннем

сборе, вроде политинформации. Смотреть, чтоб бдительная «гварда», то есть охрана, не дрыхла, как она мастерски умела. Ну, вот вроде бы и все ... Отдежурил пару раз, в промежутке между выполнением заданий Шулакова Анатолия Семеновича. Дело в том, что в конце мая должны были состояться большие командные сборы на базе 19 ПБр в Шангонго, с проведением боевых стрельб батальонной артиллерии. А Анатолию Семеновичу этим нужно было руководить, советовать как руководить, что, в общем то, одно и то же в тех условиях, плюс проведение специальных занятий с артиллеристами бригад. По этой причине я был занят подготовкой материалов к таким занятиям. Интересная деталь, Шулаков мне принес карты местности в Шангонго, Нживе, Кааме, и сказал, что надо подготовить занятие по стрельбе в условиях горной местности, так как этого многие наши артиллеристы не понимают, заявляя, что, мол, местность ровная, как стол. Я был очень удивлен, так как с одного взгляда на имевшиеся карты видно было, что «стол» поднят на высоту от 1700 до 1000 метров над уровнем моря. Условия стрельбы – горные, ежику понятно. Но делать нечего, такое занятие я подготовил. И еще интересная деталь – конспекты для проведения занятий с артиллеристами утверждал тов. Шишканов, как в добрые времена в Союзе. Наверно это правильно, иначе занятие качественно, без канвы, не провести. Но вот писать «утверждаю», «руководитель» с указанием званий и должностей считаю лишним. В прочем, это писалось в тетради ДСП, прошнурованной и хранящейся в секретной части штаба округа. Советники же пользовались большей частью записными книжками, чтоб в карман влезло. В них было все, что необходимо в качестве справочника.

Познакомился с подсоветными Шулакова – начальником артиллерии округа ст. лейтенантом, на то время, по-

том капитаном, Фарелем и его заместителем, начальником штаба артиллерии, Гонго. Приятные парни, очень хорошо говорящие на русском языке, учились в Союзе на Центральных артиллерийских офицерских курсах два года, из них год учили язык. В самых элементарных вещах профессии грамотные, но ведь это не полный курс училища, а начальные знания. А по своей должности грамотность оставляла желать лучшего. Расчет на советников. Вообще до прибытия советских советников звена батальон–дивизион советниками ангольских офицеров были кубинские товарищи. И они действительно много потрудились над подготовкой армии Анголы. Подготовлены артиллеристы Анголы, как нам говорили в Луанде, а потом и в Лубанго, на уровне ведения огня прямой наводкой одиночным орудием. И достаточно хорошо. Пора было переходить к обучению действиям на уровне батареи–дивизиона. Вот этим мы и должны были заниматься. На операции не выходить, в боях не участвовать, только учить.

Через несколько дней, в 20х числах мая, из Шангонго вернулся дивизион 122мм гаубиц, и с ним Толя Мазепов, вот тебе и «не выходить на операции». Дивизион остался в Чибембе, пункте постоянной дислокации, а Толя прикатил в Лубанго. Оказывается у него вещи еще здесь, он как приехал 20 апреля, так почти сразу, в конце месяца, ушел на боевые. Рассказов я наслушался по горло, ну как же – первый выход в бой, первые впечатления. Вообще я Толю знал еще по училищу, одного года выпуска, он из 4й, а я из 1й батареи. Говорун он был отменный. Теперь не скучно будет. Начали готовиться к командирским сборам а Шангонго вместе, хотя, чего готовиться, все уже готово. Только ехать.

В один из дней, то ли конца мая, то ли начала июня Шулаков сказал собираться, ночью выезжаем. Выехали

утром, вел машину, гордый своим мастерством, Анатолий Семенович. Толик и я расположились сзади, а справа впереди сел переводчик, кажется Сережа Шкариненко. Семенович хвастался, что ему на день рождения, артиллеристы-советники подарили компактный коротковолновый приемник, круглый и зеленый, как яблоко. Показывал радуясь. По дороге заехали в дивизион 130мм пушек, мой дивизион. Познакомили меня с командиром и начальником штаба. Потом осмотрели территорию и то, что могли. Попрощались и поехали дальше, в Чибембу, в дивизион 122мм гаубиц. По пути осмотрели противотанковую батарею в Рио-де-Арея и реактивную батарею «Град», стоявшую чуть дальше по шоссе. Интересно было глядеть по сторонам. Как от гор местность переходит в равнину с редкими холмами, точнее серыми скальными образованиями. Крупных, да и мелких населенных пунктов практически не было, кроме пожалуй городка Шибия, там был очень красивый изнутри католический костел, который Семенович обещал показать на обратном пути. Приехали в Чибембу. Место удивительное. Старые дома португальской администрации, водонапорная башня, придорожный ресторанчик и огромная гора. Как мне рассказали, это последняя и самая высокая гора на юге Анголы. Тонго-Тонго, высота, примерно, 1440 м над уровнем моря. Между горой и городком ущелье, да и сам городок расположен на плоской высоте на 100-150м ниже Тонго-Тонго. Примерно в 1000-1500 м от городка на север еще одна плоская возвышенность и на ней грунтовое летное поле с полосой 1000 метров для легкомоторной авиации. В годы португальского владения, этим аэродромчиком активно пользовались. А сейчас только иногда прилетит вертолет, да и то сядет на площадку в военном городке. Шулаков сообщил нам, т.е. Толе и мне, что если разрешит командующий округом

и наш старший, Шишканов, то мы будем жить в этом городке, а пока нам готовится домик в Вириамбундо. Городок мне очень понравился. Довольно чистенький, не разрушенный, и очень надеялся, что с водой в башне. В Лубанго воду включали утром и потом отключали до вечера, днем вода бывала чрезвычайно редко, это был праздник. Водой запасались и расходовали очень экономно. Я надеялся, что в Чибембе проблем с водой не будет. Водопровод и насосную станцию местную ремонтировали. И еще одно соображение, в Чибембе располагалось небольшое подразделение кубинских войск, связисты. И обещали находиться там достаточно долго. Вот это, пожалуй, было определяющим при выборе места жительства советников двух дивизионов. В Чибембе дождались ангольских офицеров-артиллеристов и других штабных офицеров и выехали в Кааму, во 2-ю мотопехотную бригаду, с расчетом там пообедать. Каама от Чибембы, примерно, в 90-100 километрах по трансафриканскому шоссе, ведущему на юг Африки. Таким образом, крупные гарнизоны ангольских войск стояли, примерно, в 100 километрах друг от друга, начиная от Лубанго до Нжива, прикрывая шоссе. Расстояние от Лубанго до Каамы считалось вполне безопасным для поездок на машинах в любое время суток. Но вот дальше Каамы Так мы все, советники, думали тогда, в мае-июне 1980 года.

К обеду приехали в бригаду. Я перезнакомился с советниками бригады, Толя был знаком с ними раньше. Пообедали у советника начальника артиллерии бригады Евгения Петровича, почти полным моим тезкой, и его жены. Как могли, осмотрели городок, в котором главная достопримечательность-это дом командира бригады с неизменным красным спортивным автомобилем рядом. Если автомобиль рядом с домом, то комбриг, команданте Фа-

рушко, в доме, или где-то рядом. Городок располагался на склоне возвышенности простиравшейся с севера. Хотя эта возвышенность имела и плато и русла пересыхающих речушек и возвышенности, но по большому счету – равнина, покрытая деревьями. Возвышенность в Кааме последняя до самой южной границы Анголы, и из городка открывалась панорама расположенной ниже равнины до самого горизонта. Под горкой мост через речку, бетонный, другой не устоит во время полной воды. Речка весьма бурная в сезон дождей, а в сухой сезон, курица перейдет, не замочив ног. Май – это сухой сезон. Еще подумалось, что из Каамы будет видно по пыли, что кто-то двигается в сторону городка. Местность... . Только три-четыре грунтовых дороги ведут из Каамы на юг и одно шоссе. Остальное – лес и пятна возделанных полей среди невысокого леса. Нет, деревья большие и даже огромные были, но не в Кааме. В Кааме высокие деревья, метров 10–15, конечно, были, вдоль шоссе и южнее, около воды. Но вот чтоб на деревьях устроить пункт наблюдения, таких деревьев не было. Средняя высота деревьев 5–6 метров при толщине стволов 20–30 сантиметров. Не для наблюдателей. Тем более, что на деревьях любят поселиться черные скорпионы, не смертельные, но очень неприятные существа, бррр... . Ну, вот пообедали, нагулялись, и надо бы трогаться вперед, но...нельзя. Пока не прибывает сопровождение в виде зенитного взвода, он так и назывался – взвод сопровождения колонн, командир бригады отпускать офицеров и советников в дорогу отказывался. Но взвод где-то задерживался, а ехать было нужно. И Фарушко согласился отпустить нас, но предупредил, чтоб смотрели и слушали во все глаза и уши. Анатолий Семенович для этого снял брезентовые двери на уазике, и он стал совершенно продуваемым, что не давало комфорта сзади сидящим. Часов в 19.30 выехали, фары не вклю-

чали, скорость максимальная в данных условиях. И началась гонка! Впереди «Урал», сзади «УАЗ». Благо, что ночь лунная, и при свете луны читать можно. Яркость луны меня просто поразила, никогда такого не видел. У людей в кузове впереди идущей машины можно было черные лица различить с расстояния 60–70 метров. Это чудо какое-то. Точно так же, потом поразили совершенно черные ночи, когда, буквально, в трех шагах ничего не видно. Но это будет потом, а сейчас гонка по шоссе на Шангонго. Примерно через полчаса переводчик завозился и снял автомат с предохранителя, вызвав неудовольствие Шулакова, мол, палка при неосторожном движении может стрельнуть. Но тот показал влево. С левой стороны приближался свет фар, но не слепящий, а такой, тускловатый, но в темноте достаточно яркий, чтоб хорошо видеть дорогу, тем более при луне. В этом районе ночью, при свете ездили только машины группировки «УНИТА», остальные свет не включали. Велика была опасность атаки самолетов ЮАР. Практически каждую неделю бывали случаи атаки, и не всегда безрезультатные. Летчики, у ЮАР, были опытные, много наемников из разных западных стран, и даже женщины. На штурмовку вылетали, как правило, легкие реактивные самолеты «Импалла», вооруженные неуправляемыми ракетами и крупнокалиберными пулеметами. Штурмовики делились на ночников и дневников, в зависимости от бортового оборудования. Ночники вылетали, где-то около 18.30–19.00, а дневники с рассветом, с 6.00–7.00 утра. Ну и летали пока горючее позволяло, благо лететь было не далеко, по прямой около ста километров от границы. А в Намибии полевые аэродромы с металлическими взлетными полосами и бетонная полоса около границы. Вот отсюда и погашенные фары и высокая скорость при движении. Кроме того, это был район, через который периодически

проходили отряды антиправительственных войск «УНИТА», рейдовые отряды движения за освобождение Намибии, «СВАПО». Если вторые были друзьями, то к первым лучше не попадать. Так что когда мы увидели свет машины с левой стороны по ходу движения, напряжение возросло. Я дернул затвор автомата и поставил на предохранитель, уверен был, что успею снять, ну и ствол в сторону света. Так неслись минут несколько, пока сзади света не стало видно. Проезжаем поворот и несколько домов сбоку. Анатолий Семенович говорит, что это Умбе – поселок в котором днем «ФАПЛА» и «МПЛА-ПТ», а ночью «УНИТА», и что через этот поворот и перекресток проходит дорога «УНИТА» с юга, от реки Кунене, на восток и север. Все может быть! Этот перекресток с поворотом проезжали достаточно медленно, чтоб двигатели не ревели на полной мощности. Особенно «король» Ангольских дорог и бездорожья – «Урал»⁷. Нигде ни огонька. Это, кстати, характерная черта ангольских населенных пунктов, кроме Лубанго, Шангонго и Шибии. Там на улицах был свет. Минут через десять – пятнадцать подъехали к строящемуся мосту, он еще не был открыт. Рядом был устроен временный мост, движение по которому регулировался военной полицией. Переехали на левый берег Кунене и оказались в Шангонго. Еще несколько минут и мы у домов Советских советников. Приехали прямо к ужину. Ужинали в столовой строителей-мостовиков и разместились для отдыха там, у кого было свободное место. Нам с Толей повезло, в одной комнате было свободно, люди были в отпуске, а холодильник был забит апельсинами. Можно жить! Перезнакомился с советниками – Кунделем Костей, Чередником Толей,

⁷ Урал-375.

Володей Демиденко, советником командира бригады Сергеем, советником начальника артиллерии, Борисом Ивановичем, по-моему, ну, и остальными, уже и не помню с кем. Легли спать довольно поздно и всю ночь крутились, спасаясь от комаров. Утром проснулись – физиономии чешутся, искусаны комарами. Сполоснулись, позавтракали и поехали в расположение 19-й пехотной бригады, а Пеу-Пеу, место так называлось. По дороге увидели большую плантацию цитрусовых, и решили, при возможности, приобрести цитрусов, что можно. Но в этот приезд ничего не получилось. Приехали в бригаду. Она располагалась на территории бывшей португальской тюрьмы. Казармы. Рядом учебное поле бригады. Меня назначили на проверку безоткатных орудий Б-10 и минометов. Ну, минометы знакомы, а что такое Б-10? Первый раз увидел, что это такое. Труба на треноге с прицелом для стрельбы прямой наводкой. В общем «смерть врагу, п...ц расчету». Надо бы произвести их выверку, но инструмента нет, отверток всего-навсего. А меня карманы тоже не ящик с инструментом. Черненькие разводят руками – мол нету советник, но мы и так попадем. Доложил Шулакову, тот плюнул и сказал ну, в общем, что он думает о них всех. На этом первый день работы закончился. Вернулись в домики советников, на обед и все такое. После обеда никуда не поехали, не ближний свет в одну сторону, все-таки. Играли в волейбол, пили пиво у строителей и ждали высокое начальство. На следующий день должны были быть батальонные учения с боевой стрельбой и начало сборов комбригов, их заместителей и командиров батальонов округа.

Вечером прибыло высокое начальство со своими советниками и сразу стало как-то несколько напряженно. Утром начались показательные учения. Как ни странно, черненькие из безоткаток стреляли действительно довольно

метко, со второго выстрела попадали. Но ведь вопрос то в том, будет ли у них возможность второго выстрела? А орудия перед стрельбой я, все-таки, выверил, нашел отвертки и время. После обеда вернулись в свой городок, где предстояли занятия с советниками. Я проводил занятие по стрельбе в горных условиях, выслушали со всем прилежанием и вниманием, даже что-то записывали. А после занятия, так чтоб не слышал Шулаков, спросили, зачем это занятие нужно было, ведь и так все знают, что условия стрельбы горные и таблицы стрельбы показали горные. Мне было очень неловко, но ведь приказ начальства... . В следующий раз буду умнее. А вот, что интереснее, так это то, что никто не считал поправок в данные для стрельбы. Пришлось срочно готовить новое занятие и проводить его буквально наспех, в этот же вечер, поскольку на следующий день все разъезжались. Вечером происшествие – переводчик и кто-то из черненьких командиров поехали уже по темноте в бригаду. И моментально последовала атака самолета. Его услышали только после очереди пушек, и, конечно не видели. Как результат – переводчик цел и невредим, кого-то задело, но не очень серьезно. В общем, отделались легким испугом. Третий день у Шулакова и окружного начальства, Шишканова и других, прошел в напряженной работе с командиром бригады и его советниками, а мы с Толей Мазеповым были дома и наслаждались сладкими апельсинами с воблой, настоящей, из Союза. Вкус – незабываемый. Вечером, как всегда, волейбол и на боковую, так как вставать в 4 утра, а в 5 выезд в Кааму, так распорядился Шишканов. Выезд состоялся ровно в 5 утра. Доехали очень быстро, так как Шишканов на «Волге», Молотай на «Волге», а остальным только гнать за ними. Даже взвод сопровождения обогнали, он пришел в Кааму позже, чем Фарушко, комбриг 2-й бригады, был

очень недоволен. Самолет ведь летает быстрее машины. Из Каамы поехали уже спокойнее, с остановками и расстановками. В Чибембе Шишканов остановился и сказал мне, что скоро решится вопрос нашего размещения в Чибембе и, что он назначает меня старшим в группе советников, из двух человек. Толя, по-моему, обиделся, ведь он раньше приехал, но с начальством не поспоришь. В Вириамбундо осмотрели наше будущее жилище и решили, что завтра Анатолий Семенович нас отвезет сюда, уже на нормальную повседневную работу, а не на работу наездом, как это было у Толи Мазепова несколько раньше.

Вириамбундо, Чибемба, июнь 1980-август 1981 года

По возвращении из Шангонго, начали срочно собираться в дорогу, ведь на следующий день утром уезжать. Собирать было в принципе нечего, один чемодан, сумка и оружие. Последний раз посмотрели кино на крыше дома и отправились спать. Утром, после обязательной политинформации, еще раз получили от старшего группы советников, Шишканова Владимира Алексеевича, энергичный инструктаж с пожеланиями на будущую работу и обещанием выделить для нас один «УАЗ-469» на двоих, погрузились в «уазик» Шулакова Анатолия Семеновича и тронулись в дорогу. Ехали не спеша, с осмотром местных достопримечательностей, в частности костела в Шибии. Красивое здание, красивое убранство. Мне понравилось. Ангола ведь вся католическая, с примесью местных верований, своих у каждого народа, и тому подобное. Есть даже колдуны «Вуду», видел издали, близко не подходил, не по себе как-

то находиться рядом с ними и глазеть. Если колдуну не понравиться, может наслать какую-нибудь заразу или еще чего. Понятно, что чепуха и враки и мы вообще атеисты, но... все-таки лучше побережься. И не нарываться. Целее и здоровее будешь. Ведь Африка совершенно не исследована в этом отношении, да и в других тоже. Загадочная и притягивающая к себе территория, без относительно к какой-либо стране. Всё интересно! И на севере и на юге. Вот так, посматривая по сторонам, доехали до Вириамбундо, нашей нынешней резиденции. Проехали к штабу дивизиона и уже с командиром дивизиона и заместителем командира по тылу пошли смотреть домик, приготовленный для нас. Поднялись на крылечко, открыли дверь в первую комнату и ... чихнули, от пыли и запаха медицинских препаратов. Здесь был медпункт дивизиона. Командир, Шагаш Мария Ранжел, ничуть не смутился, заявив, что мы пока проживем здесь, а потом отремонтируют «во-он, тот желтенький домик, и мы переедем туда» ближе к моменту приезда наших женщин. Мне показалось, что сделано это будет совсем не скоро и придется Ранжела подгонять. Он вообще парень был не слишком торопливый. Это что касалось его самого и его советника. В остальном, отличный товарищ и командир. Прекрасно говорил на русском языке. Учился в Ленинграде на артиллерийских курсах два года, из которых год учил язык. Это, конечно, не полный курс среднего училища советского, но и не ангольское училище. На ЦАОКе учить иностранцев умели хорошо. Так что с подсоветным мне повезло. При работе в штабе не нужны будут словари, русско-португальский и португальско-русский, под мышкой! Язык, конечно, придется учить, но это уже не будет сложной задачей, есть, кому помочь. Но это все лирика, а пока осматриваем домик. Собственно осматривать более нечего, туалет и кухня, оставшая-

ся комната до верху завалена медицинским имуществом. Зам.командира отправляется за работниками, т.е. солдатами, и необходимым имуществом: как то стол, стулья, шкаф (пусть металлический), кровати, стол и стулья на кухню и двумя большими баками для воды(питьевой и для гигиены). Газовую плитку и баллон с газом привезли с собой. Короче, начали мы с Толей устраиваться, а Анатолий Семенович двинулся в обратную сторону, в Лубанго. Первым делом попросили принести воды и швабры, для мытья полов в помещениях. Полы вымыли. К этому моменту привалила толпа солдатиков с нашими будущими пожитками. И помочь и посмотреть на советников, интересно. Вроде устроились, но нет бочки для хранения воды, и толпа кинулась искать. «Белые люди среди туземцев». Поневоле проникнешься пониманием белых хозяев. Приволокли штуки четыре, и из них только одна могла быть использована, остальные из-под горючего. Сели, закурили, и сразу же просьбы со всех сторон: « камарад ассессор, ума сигар, пор фавор», что на доступном языке означало: «товарищ советник, одну сигарету, пожалуйста». Мне стало совершенно ясно, что в среде солдатиков лучше не курить, ограбят начисто. Офицеры просили закурить, только если у них все закончилось. Вот так и началась наша совместная жизнь в Вириамбундо.

Вечером приехал подсоветный Анатолия, командир дивизиона 122 мм гаубиц, сокращенно Эрберт. У него много имен, в соответствии с католической традицией, но это главное. Как и в случае с Ранжелом. И этот парень так же свободно говорил на русском языке. Они вместе, с Ранжелом, учились в Ленинграде. Разговаривали очень долго, пока не прибежал солдатик и не доложил Ранжелу, что все готово и командира ждут. Нас пригласили на ужин, с пивом и жареным мясом, с жареным картофелем. По тем вре-

менам, угощение царское! Картофель был большой редкостью на нашем столе. И это только в мирное время. Ел я его всего раза три или два, по праздникам. Не растет он в Анголе. Познакомились со всеми офицерами дивизиона и за разговорами, через командиров, как переводчиков, проговорили до полуночи. В конце посиделок договорились, что на следующий день поедем в Чибембу, знакомиться с тамошними офицерами. Утром поднялись поздно, так что завтрак наш совсем остыл, но повар мгновенно его подогрел и мы подкрепились. К 12 часам пришла машина из Чибембы, и Толя уехал. А я пошел в штаб, знакомиться с документами и штабной командой. Встретил меня начальник штаба, Антонио Жоакин Фернандеш (Долизи). Интересный парень, учился на Кубе, полный курс училища, грамотный в специальных вопросах. Так что с этой стороны мне повезло. Единственное, что огорчало – он не владел русским языком. Но, как говорится, «у нас было», не нужно таскать словари, для них нашлась полочка в кабинете, и они всегда были под рукой.

Дивизион был сформирован в 1976 году, получил почетное наименование «имени 27-го марта». Вооружен сначала был 85 мм пушками Д-44, а в конце 1979 года был перевооружен на системы 130 мм, М-46. Состоял дивизион из трех батарей, по четыре орудия в каждой, взвода разведки дивизиона⁸, взвода связи, транспортной роты и авторемонтной мастерской, медицинского пункта и хозяйственного взвода. Тягачами для орудий служили тяжелые грузовики «КраЗ-255» высокой проходимости, «Короли саванны». Транспортной роты как таковой не было, в неё просто ввели три запасных тягача батарей, шесть

⁸ Артиллерийский дивизион состоит из 12 артиллерийских орудий.

«Урал-375» взвода подвоза боеприпасов, четыре «Урал-375» хозяйственного взвода, санитарную машину «УАЗ» и, кажется, все. Забыл еще отделение противовоздушной обороны (ПВО), но это была уже импровизация. Из взвода разведки выделили двух человек и научили пользоваться переносными зенитными ракетными комплексами «Стрела». Штатного взвода ПВО в дивизионе не было. Приборов артиллерийской разведки в дивизионе практически не было. Один оптический дальномер ДС-1 на весь дивизион, и более ничего. Средствами связи укомплектован дивизион был полностью, что радиостанциями, что проводной связью, кроме того, имел 100 киловаттный генератор для освещения городка, питания коротковолновых радиостанций Р-104м в стационарном режиме работы и зарядных станций для аккумуляторов автомобильных и радиостанций. Радиостанции были Р-108(109)Д. Телефонные аппараты были ТА-57 и еще их какие-то чешские аналоги. А вот провода было, чуть ли не на двадцать километров, 50 катушек по 400–500 метров. Отдельная машина выделялась на это хозяйство. Позже, в 1981 году, дивизион, на проводную связь, частично раскулачили, забрали 20 катушек во 2-ю бригаду. А вот с боеприпасами было интересно. При орудиях, на тягачах, по 60 ящиков – один(1) боекомплект (720 снарядов), в запасных тягачах еще 180 (0,25 боекомплекта). Итого 1, 25 бк (боекомплекта)⁹. В

⁹ По поводу боекомплектов могу только сказать, что они были разными. Для 130 мм (М-46) – 60 снарядов, вот по числу зарядов «Полного» и «Уменьшенного», их соотношению, я уже не помню. Для 122 мм гаубиц Д-30 боекомплект был как и в Союзе – 80 снарядов, это тоже без детализации. Могу добавить, что у 130мм снарядов не было дистанционных взрывателей, только ударные В429, для морских орудий. А вот для 122мм гаубиц были дистанционные взрыватели, на тот момент самые современные для ВС СССР, - В 90. Не все артиллерийские части тогда имели их в своем распоряжении.

транспорте дивизиона еще 360 снарядов (0,5 бк). Всего дивизион возил с собой 1260 снарядов (1,75 бк). В округе, как меня заверили, есть еще 1080 снарядов, готовых к подаче в дивизион. И столько же в Луанде, т.е. еще 1080. Всего в Анголе было 3420 снарядов калибра 130 мм. Но ведь и в президентском полку тоже были такие же пушки. Где для них снаряды ? С этим вопросом мы потом столкнулись, в 1981 году. Офицерами и солдатами дивизион был укомплектован полностью, но вот некоторых не было на месте, «дезертор», как говорил начальник штаба, в том числе и заместитель командира дивизиона. Ранжел по этому поводу говорил: « Евгений, не беспокойся, они придут, погуляют и придут». Худо было то, что некоторые ушли «погулять» с оружием. Личного оружия, автоматов, дивизиону не хватало. Некомплект 20 стволов, но с учетом «дезертор» – все в порядке. В общем и целом состояние дивизиона можно было оценить как вполне удовлетворительное. Поинтересовался обеспечением картами местности, ведь надо же знать свое положение. И вот тут меня ожидал удар! Я, да и наверняка любой офицер любой армии, рассчитывал бы на нормальные топографические карты, но то, что увидел, превзошло самые мои смелые ожидания. Белый лист бумаги с нанесенной на него координатной сеткой масштаба 1:50 000 . Серым и коричневым цветом обозначены дороги, тропы, возвышенности и т.д. и очень редкие геодезические пункты. И на обрезе, вни-

Посылать их в Анголу было... Для реактивных систем БМ-21«Град» было 5 залпов (1 на машине, 2 в транспорте батареи и 2 в тылах округа) один залп БМ-21 – 40 снарядов. На тот момент в 5-м округе была только реактивная батарея – 4 машины (БМ-21). В 1981 году ее раздергали и к моменту агрессии ЮАР на позициях в районе Каамы было только две машины. Две машины были отправлены на борьбу с УНИТА и погибли.

зу карты надпись: «отпечатано по результатам аэрофото- съемки 1953 года». Конечно, за почти 30 лет, произошли изменения, надо корректировать карты, но вот такого на- плевательского отношения митрополии, т.е. Португалии, к своим владениям не ожидал. Ну, да «за не именем гер- бовой, пишут на простой». Но вместе с вопросом о картах, возникает вопрос о топогеодезическом обеспечении, т.е. наличии приборов, наличии пунктов триангуляции, т.е. геодезической сети. В противном случае весьма велика вероятность запустить снаряд не в ту сторону. Так возник- ла проблема, которую мне пришлось решать в дальнейшем подручными способами. В первые же дни познакомился с расположением батарей и их командирами. Один коман- дир закончил училище на Кубе, два других училище в Уам- бо (Ангола). В одной из батарей еще один офицер имел нормальное военное образование, кубинское училище. Таким образом, в дивизионе было три офицера с полным курсом военного училища на Кубе, а остальные с курсом местного училища в Уамбо. Решил ближе познакомиться с наиболее грамотными офицерами дивизиона и опираясь на них строить всю свою работу. И почти сразу же воз- никло недоразумение. В одной из батарей командиром был хороший, но не слишком грамотный лейтенант, а у него в подчинении молодой, только прибывший, но более грамотный, с Кубы. И вот командир на меня обиделся, мол советник предпочитает общаться не с ним, а с его подчи- ненным. Пришлось с помощью командира дивизиона, Ран- жела, объяснить ему, что все самое новое, что мы будем изучать и делать, все начнется с него, и он станет первым во всем. Кажется, поверил, но, и вправду, многие начина- ния в дивизионе начинались с этой батареи. Батареи рас- полагались разсредоточенно, солдаты в подобию домиков, орудийные поезда в капонирах замаскированные. Зама-

скированы причем так, что ни с шоссе, ни с воздуха их не увидеть. Я, не зная где смотреть, тоже не сразу увидел орудия. Потом вошло в норму хорошо маскировать свое присутствие, что очень пригодилось. Таким образом, знакомство состоялось. Началась обычная армейская работа с поправкой на условия местности и климат. Проводил занятия с офицерами дивизиона, отдельно с командиром и начальником штаба, проводил комплексные и тактико-специальные занятия с батареями, днем и ночью. Проводил занятия по огневой службе, специфическое занятие для орудийных расчетов. Начал проводить батарейные учения, пока без боевой стрельбы. Не где было стрелять. На первых порах, проводил одно, какое-либо, занятие для командира и начальника штаба, а дальше они сами, по образу и подобию, под моим контролем. В дальнейшем помогал им готовиться к таким занятиям, с учетом разнообразной обстановки. Занимался с офицерами на винтовочном полигоне, сделанном еще кубинцами, это небольшой участок местности, оформленный как карта и с макетами домиков, деревьев и прочим и выполненный в определенном масштабе. На таком полигоне учатся управлять огнем артиллерии. В соседнем дивизионе 122 мм гаубиц такого полигона не было и пришлось вместе Толей Мазеповым сделать его. Несколько позже, в октябре–ноябре, на этом винтовочном полигоне были проведены сборы начальников артиллерии бригад и старших артиллерийских начальников округов Вооруженных сил Анголы. Такими вот делами были заполнены дни советника.

Через пару месяцев встал вопрос о точности стрельбы артиллерийских орудий в условиях юга Анголы. Дело в том, что температура воздуха и давление дают значительную поправку в дальность полета снаряда, в ту или иную сторону. И вот необходимо было выяснить величину

этой поправки. Для таких стрельб требуются специальные полигоны и специальные средства контроля, чего конечно у нас и в помине не было. Но выход все-таки был найден. По той карте, издания, 1953 года, нашли две опорные точки, нашли каталог с координатами, определенными еще кубинскими товарищами. Вот здесь я хотел бы сказать свое «ФИ» советникам и специалистам управления картографии в Анголе. Имея средства и технику, в том числе самолет аэрофотогеодезии (Ан-30 или 32), иметь такие карты – это позор. Если это, конечно, не тупость или ограниченность советского руководства. С последним пришлось столкнуться при решении вопроса создания полигона. Обратился к старшему группы Шишканову В.А. с просьбой о помощи в получении от кубинских товарищей на несколько дней или неделю артиллерийского топопривязчика с экипажем. В ответ получил – «помощи не будет, вам это не нужно». Почему? Мне это до сих дней не понятно. У кубинцев эти машины стояли без действия, я это точно знал, специально интересовался, когда была возможность. Точно так же и в вопросе аэрофотосъемки района обороны бригады в 1981 году самолетом МиГ-21 Р. Отказано. Но это будет уже позже, в 1981 году, а пока только июнь 1980-го.

В соседнем дивизионе 122 мм гаубиц начались непонятные трения между советником, офицерами штаба, и командиром. Толя ничего не объяснял, а черненькие уже пожаловались в округ. Причин я не понял, туман. Однажды Толя вернулся домой, в Вириамбундо, и не смог самостоятельно спуститься с подножки машины. Повредил ногу, подвернул. Вот тогда он пожаловался на подсоветного, Эрберта, мол, закатывает пьянки, а я им мешаю. А в этот раз чуть не подрались, да вот, нога подвернулась. Пришлось на следующий день ехать в Чибембу разбирать-

ся. Оказалось, что надо было проводить занятия, а командиру, Эрберту, хотелось пить пиво. Толя, сам любитель эля, расшумелся и Эрберт его толкнул, Толя подвернул ногу и упал. Пришлось гасить конфликт с помощью своих офицеров, Ранжела и Долизи. Вроде бы погасили. Необходимо было ехать в округ, чтобы узнать, что там думают обо всем случившемся, и, заодно, просить помощи в создании полигона, большого. На второй вопрос ответ уже известен, приведен выше, а по первому – «еще один раз, и домой, в Союз». На просьбу выделить машину, одну на двоих, ответ – «подумаем». С тем и уехал обратно. Заодно получил строгое указание – на стрельбу не более трех снарядов. Доказываем с Шулаковым, что нужно не менее 12–14, ответ один – «только три. Их далеко привозить, из Луанды». К сожалению, советник командующего округа нас с Шулаковым не поддержал, занял нейтральную позицию. К счастью, вмешалась Луанда, и нам разрешили истратить столько, сколько необходимо, но не более. В остальном, помощи от Луанды–0. Главному штабу тоже были интересны результаты стрельб, а помощь оказывать не хочется. Возвратился в Вириамбундо, рассказал Толе, о том, что там было и пожелания для него. Начали готовиться к опытным стрельбам.

Выбрали две точки с известными из каталога координатами в 30 и в 18 километрах от будущих позиций. Для 130-и это заряды полный и уменьшенный, а для 122мм – заряд полный. Посчитали поправки на метео и баллистические условия за несколько дней вперед. Получались поправки в дальность чуть ли не 3 километра для обеих систем. Конечно, о полном топогеодезическом или метеорологическом обеспечении не могло быть и речи. Пользовались весьма приближенными данными. В Лубанго, в институте, Долизи достал действующий и довольно точный барометр. В ре-

активной батарее забрали указатель скорости и направления приземного ветра. Ну, а термометры в дивизионах были. Пришлось вместе с Ранжелом и Эрбертом переводить на португальский язык инструкцию по применению ДМК (дистанционного метеорологического комплекта) и составлению приближенного метеорологического бюллетеня по данным наземных измерений. В последствии эту нашу инструкцию я видел в уже отпечатанном виде, как официальный документ. Досконально договорились, как производить стрельбу, пару раз прорепетировали. Дело в том, что наблюдать разрывы возможности не было, можно было только слышать и считать количество, и примерно определять направление и дальность типа дальше-ближе, вправо-влево. Точки пристрелки находились в лесу, на наше счастье, практически на лесной дороге и, при желании, разрывы можно было бы увидеть, дорога прямая, с расстояния метров в 300, но...риск. В общем так, делаем один выстрел, запрашиваем наблюдателей на дороге – далеко ли от них. Если да, то перемещаться на определенное расстояние вперед по дороге и снова выстрел, и снова запрос и снова выстрел, и так до разумной границы безопасности в 500 метров. Другого способа опознать разрывы не было. На первую стрельбу пригласили начальника артиллерии округа – Фареля и его советника – Шулакова Анатолия Семеновича. Стрельба прошла великолепно – разрывы увидели наблюдатели. После осмотра воронок, их обмера, и определения отклонений от цели выяснилось, в первом приближении, что поправки действительно такие, как мы и считали. Но нужно результаты наглядно оформить и документы представить в штаб артиллерии округа. На это нужно время, хотя бы двое суток, так как в этот день велась стрельба по двум точкам на разных зарядах. С этим начальство и отбыло, распорядившись следующей стрель-

бу провести из 122 мм гаубиц самим, под моим руководством, и результаты так же направить в округ. Стрельба из гаубиц предстояла проще, всего по одной точке, той, что на 18 километрах, и с той же позиции. Ничего сложного. Два дня ушло на оформление результатов стрельб, составление схем положения цели и разрывов, расчета поправок, отчета об израсходованных боеприпасах. Израсходовано было 14 снарядов – по три предварительных и четыре контрольных на каждую точку. При составлении отчетных документов мне пришлось представить и докладную о способе определения направлений путем расчета направления на светило (солнце). Дело в том, что магнитная стрелка артиллерийской буссоли имела в районе Вириамбундо и Чибемба сильные отклонения от истинного направления, магнитные аномалии. Пришлось писать в Ленинград и просить помощи, чтоб выслали таблицы расчета азимута светила. Так называемые «морские таблицы». И их мне очень быстро переправили, буквально через месяц. Таким образом, к моменту проведения стрельб, таблицы были у меня. Таким образом, от компаса я больше не был зависим. Прошло два или три дня и мне нужно было ехать в штаб округа, везти результаты. Накануне, мы с Толей, договорились, что стрельбы его дивизиона проведем после моего возвращения, с так называемыми ЦУ. Мало ли какие мысли возникнут у начальства. Поехал, доложил. Похвалили, хотя Шишканов и морщился, так как Луанда вмешалась в его дела. А дело в том, что на сборах артиллеристов на новом винтовочном полигоне в Чибембе, советник начальника артиллерии ВС Анголы, дал понять, что он и его подсоветные этим вопросом очень интересуются. Отсюда и контроль, правда, без помощи. К месту здесь рассказать и о том почему «морские таблицы» пришли ко мне так быстро. Как только я начал вплотную работать с дивизионом,

то понял, что наши артиллерийские буссоли, дают большую, мягко говоря, погрешность в определении направления. Слишком уж сильно к югу, стрелка царапает стекло и заедает. Нужно было искать другой способ определения направлений. Что может быть лучше светила? Но вот беда, луна не всегда на небе, а солнышко с 10 часов и до 16 часов не взять буссолью, шибко высоко. И все-таки только солнышко, утром, с 5.30 до 9.30, и вечером, с 16.30 до 17.30. Но где взять таблицы. Вспомнил, что у летчиков больших самолетов должны быть астрокомпасы, а если есть компасы, то есть и таблицы – аксиома. Отпросился в Луанду, благо была возможность и время на это. На авиабазе познакомился с ребятами из летного отряда. Провели в Ан-12, говорят, смотри, вот твой компас, нам он ни к чему. Вместо компаса только купол и карданы подвески. Нету его, сняли, за ненадобностью. Общей хохот. Говорят, может быть, в самолете главного есть? Знакомимся с экипажем главного. Сейчас уж не помню никого из летунов, но запашок помню. Показывают полетную карту с линиями направлений и подписями. «А нам астро... ни к чему, линия есть, по ней и чешем». Так вот и летают. Ребята, кажется, были из Запорожья, и Ан-12 и Ан-26. Делать нечего, знакомлюсь с одним из командиров советских БДК, стоявших в Луанде. Через него позвонил в Ленинград, рассказал о проблеме, что нужно и как решить вопрос. В результате в конце августа таблицы были у меня, а командир БДК получил три бутылки «Столичной». За организацию звонка. К большому сожалению, не помню фамилии и имени командира, и «коробку» не помню. Шибко пьяный был, но говорил с Питером трезво, раз поняли меня. Вот так я заполучил таблицы расчета азимута светила. Они как раз только вышли игодились до 2000 года. Почему не догадался обратиться к морякам? У них ведь есть штурманская служба. До сих пор

это для меня самого загадка. Ну, не дошло! А все было так рядом! И звонок не нужен бы был.

Но, вернемся к нашему отчету о стрельбах. Отчет понравился, и я в хорошем настроении собрался двигать в обратную сторону, ждал только Ранжела, он отправился к семье. Шишканов сказал, что поскольку миссия получает две машины «Волга», то один из освободившихся «УАЗ»-ов, скорее всего Шулакова, будет отдан нам с Толей, но, чтоб никаких.... И т.д. Все ясно, у нас будет машина! Возвратились мы с Ранжелом в дивизион, и тут новость – дивизион 122 провел опытные стрельбы. Без нас, а ведь договорились. Вечером Толя рассказывает о стрельбе с восторгом, как все было. И во время разговора вдруг он говорит, что увидел, как разрывами побило мартышек на деревьях! Начинаю уточнять, откуда он это увидел. И тут выясняется, что с огневой позиции! Предлагаю на следующий день поехать на место разрывов и сделать обмеры, так как накануне стреляли под вечер и обмеры не сделали. Утром следующего днядвигаемся в район разрывов. Приехали, места ни Толя, ни Эрберт не узнают, хотя твердят оба, что это оно. Я его тоже знаю, вот он геодезический знак, но воронок от разрывов нет. Спрашиваю, как вы могли его, это место, видеть, ведь отсюда до позиций 18 километров? И где побитые мартышки? Как вы вообще могли увидеть разрывы за столько километров? В ответ – молчание. Ладно Эрберт, но Толя! Возвращаемся в дивизион 122 мм, в Чибембу. Обедаем, Эрберт предлагает стрелять снова, и просит меня договориться с округом о новой стрельбе. Стрелять – то надо, но вот куда они стреляли накануне? Вот в чем дело! Кто будет отчитываться о расстрелянных без толку снарядах? Мне было совершенно ясно, что Толя на этой стрельбе не был, Эрберт напортачил сам. Теперь нужно было думать, как Толю из дерьма вытягивать. Наверня-

ка ведь уже наябедничали в округ. День прошел тихо, а на следующий день команда мне от Шишканова, прибыть за получением машины. Ну. Наконец то, дождались. Теперь не будем зависеть от командиров дивизионов, и использовать их как водителей. Последний раз поехали в Лубанго вместе с Ранжелом. Тот и рад приехать к семье. В миссии советник по АТТ Павел сказал, что нам выделена машина Чмыхуна, советника начальника тыла округа, и что сейчас приедет Равиль и примет у меня зачет по вождению. А у Толи, когда вместе приедем в Лубанго. Приехал Равиль и, мы тронулись. Одно замечание—не надо часто нажимать на тормоз, как на «Уралах», нужно всего один раз, но до упора. А она не «хочет до упора», не понимает! Равиль пересел на место водителя, проехал и высказал всё, что он думает о машине и Чмыхуне в частности. Хорошо, что полковник не слышал.

Амортизаторы у машины не работали – вытекли, масляный фильтр не менялся, не снимается, масло только добавлялось. И так два года. Я Павла спросил о другой машине, которую, вроде, нам обещали, Шулакова. В ответ – это приказ Шишканова. Поехали с Равилем в ремонтный батальон, попробовать что-либо сделать. Подобрали относительно «новую» резину, прокачали тормоза и амортизаторы, но вот фильтр не сменили, нет в наличии. Или просто жмотничали черненькие, проверить трудно. Приехали в миссию, доложили Шишканову. Тот ни слова не сказал и пожелал счастливого пути. Оставалось только повидаться с Шулаковым, обсудить наши проблемы, если нужно, съездить в штаб, и трогаться в свою деревню. Вопросы обсудили, решили, что под благовидным предлогом снова проведем стрельбу 122 гаубиц, в округе уже знали о стрельбе по мартышкам, и будем готовиться к разметке большого полигона. На этом попрощались, и я тронулся,

не спеша, в путь. Машина двигалась нормально, но только на скорости до 60 км / час. Чуть больше и ее трясло, как в лихорадке – амортизаторы, успели вытечь. Где-то на середине пути замечаю встречную машину, «ландровер» из миссии, с водителем кубинцем и старшим машины, советником начальника оперативного отдела. Останавливаемся на обочине, подхожу к роверу, а там Толя. Оказывается, пока я получал для нас машину, моего напарника забрали и переводят в другой округ, на север страны. И ведь старший группы советников округа Шишканов Владимир Алексеевич целый день ничего мне не говорил. Почему? Вот так мы расстались с Анатолием Мазеповым, из Казани. Больше с однокашником по училищу мы не встретились. А через неделю вместо Толи приехал Степан Кравец. С его приездом в дивизионе 122мм гаубиц весь процесс работы начался снова. Под предлогом осенней проверки, провели учения дивизиона и в частности опытную стрельбу. Результаты были, примерно, такие же, как и в дивизионе 130 мм пушек.

В один из дней в конце сентября дивизион подняли по тревоге и направили в Шангонго. Где-то через границу прошли отряды буров и угрожали городу. Дивизион быстро дошел до Каамы днем, получил во 2-й бригаде взвод зенитных установок для прикрытия от самолетов и роту мотопехоты на БТР-152 для охраны. С ротой пошел и советник командира батальона Алексей Степаненко. Ночью начали движение, без света, но под лучами яркой, как прожектор, луны. Без остановок прошли 50 километров, сделали остановку, для проверки техники, и двинулись дальше. Ни кто нам не препятствовал. Ближе к рассвету

были в Шангонго. На КП¹⁰ 19бригады мы приехали вместе с Ранжелом. Встретили нас командир бригады Арманду и его советник Сергей Получили задачу и район, где должен был развернуться дивизион. Вернулись к колонне и поставили задачу командирам батарей на развертывание. Одна батарея развернулась с левой стороны шоссе, а две другие с правой. Закопать орудия оказалось, возможным только в «зашоссейной» батарее, там земля оказалась мягкой, а вот в двух других... как бетон. Одну батарею ориентировали так, чтоб она могла открыть огонь, при необходимости, вдоль реки. Орудия, конечно, замаскировали. А вот как быть с великанами «КраЗ»-ами ? Как их укрыть? Решили просто загнать под деревья. Взвод ПВО ушел обратно в Кааму, а вот рота осталась с нами и заняла оборону с тылу и на флангах дивизиона. Так что получился приличный район обороны. Прошло некоторое время и Арманду как-то, на командном пункте бригады, задал вопрос о точности стрельбы артиллерии. Предложили ему посмотреть самому, как будет стрелять прибывший дивизион. Он согласился на три снаряда, думал, что стрелять будет одно орудие. А мы, с Ранжелом, решили стрелять каждой из батарей, и засчитать это как учения с боевой стрельбой. На следующий день Арманду с советником приехали на НП дивизиона, на одном из направлений за городом. Ранжел подал команду, и воздух разорвал звук выстрела. Потом нам рассказали, что народ в городе попрятался, думая, что это бомбежка. Отклонение снаряда от цели были вполне приличные, не более 50 метров по дальности и по направлению. Потом второй выстрел, результат такой же. Потом третий, этот лег несколько

¹⁰ Командном пункте

ближе к цели. Арманду спросил, почему стреляли с нескольких сторон, ведь должно было стрелять одно орудие? Пришлось объяснять. Результат стрельбы меня обрадовал, ведь опорная сеть в Анголе развита очень и очень слабо, только старые, португальские бетонные прямоугольники, мелко заглубленные в землю, без точного указания точки. Иные прямоугольники повалены или разбиты. Некоторые размещены на строениях, как в Шангонго, без доступа к ним для проверки. Учитывая эту специфику, а также приближенный расчет поправок на метеоусловия, результат, можно смело сказать, отличный. Командир бригады был очень доволен. Так доволен, что пообещал прислать бульдозер, для отрывки окопов. И прислал, но напрасно, бульдозер грунт этот не брал. Пришлось ограничиться неглубокими котлованами для машин, только скрыть колеса. Под деревьями земля мягче. Но и это было уже хорошо. В один из дней проснулись в тревоге, авиация. Но очень странно. Один легкий штурмовик крутился над мостом и позицией зенитных орудий, прикрывавших его. Скоро выяснилось, что его интересовал не мост, а первая моя батарея, стоявшая практически открыто. А вдали, вниз по реке крутились несколько вертолетов буров, периодически окутывавшиеся дымками. Явно вели по кому-то огонь. Как только первая батарея начинала разворачивать стволы в ту сторону, самолет немедленно начинал изображать атаку, а как только все замирало, так и самолет отваливал в сторону. А потом все начиналось с самого начала. В дивизион пришла команда огня не открывать и орудия укрыть. А как укрыть? Земля, как бетон. Ночью сменили позиции, передвинув две батареи ближе к деревьям и, наконец, закопавшись. Третья батарея позиций не меняла, но закопалась еще глубже. Утром прилетевший самолет сделал несколько кругов, но почему-то в стороне от наших

позиций. Сначала он прошел рядом, а затем искал что-то в километре от нас. Может быть, нас потерял? Его не спросишь. Будем надеяться, что не по нашу душу. Дня три или четыре было спокойно и благостно. Советники опять начали вечерами играть в волейбол. Как я понял из докладов разведки, буры ушли. Вот в один из таких дней Сергей, старший, решил отправиться на охоту в заповедник. Это километров 30–40 от Шангонго в сторону Каамы, может быть меньше, не помню. Поехали на двух машинах, тенты сняли, стекла опустили на капот и укрыли брезентом, чтоб не блестели. Я уже и не помню, кто со мной ехал, кажется, Толя Чередник, а может быть и Кундель Костя. Но поехали днем и не скрывались. Наконец съехали с шоссе, и поехали по проселочной дороге. Зверей я не видел, все внимание на дорогу, мало ли что может на ней быть, хотя ведь не увидеть. Остановился рядом с машиной Сергея, он показывает куда-то в сторону... антилопы, небольшое стадо, и не очень далеко. Прямо с бортов начинается стрельба, и прямо из-под колес у нас срывается дикая свинья. Её, конечно, пристрелили, но вот как не заметили? И не такая уж маленькая, килограммов на 60–70. А что там со стадом? Вперед пошли Сергей и еще кто-то, может быть Демиденко, а может быть Красивский. Машут руками, мол, давайте, подъезжайте. Подъехали – две или три антилопы завалено, достаточно. Грузим туши в загашники машин, размещаемся, кто, как может и быстрее ходу с этого места, тем более, что впереди тоже были слышны выстрелы, видимо тоже кто-то охотился., тем более, что заповедник. Вернулись практически к обеду, и кто-то занялся разделкой туш, а я мытьем кузова своего «кабриолета». Однажды Сергей пригласил меня в одну поездку. Дело в том, что командование бригады, с одобрения округа, решило выдвинуть на юг, примерно на 40 километров, усиленный батальон. Это

как раз местечко Куамато. Еще 40 километров и граница с Намибией. В этом районе постоянно происходили стычки с войсками ЮАР, и сил только одной пограничной заставы в Нангомбе, почти на границе, было явно не достаточно для контроля территории. Батальон было решено усилить батареей 76 мм пушек из бригадного дивизиона. Поэтому в эту «командирскую» рекогносцировку поехал не только командир бригады с советником, но и командиры батальона и дивизиона со своими советниками, и меня прихватили, для компании. Ехали на двух уазиках, Армандо и Сергея, мой оставили дома, с нами еще пошли два бронетранспортера и «Урал». Ехали очень осторожно, впереди двигалась разведка, в этом районе активно действовала разведка буров, перемещались отряды «УНИТА» и боевые отряды «СВАПО» – организации освобождения Намибии. Так что на дороге могло быть, что угодно. За несколько дней, до нашей поездки, на этой дороге, близко к городу, на противотанковой мине подорвался «Урал», были погибшие и раненые. Так что внимательность и осторожность не мешали. По дороге только один раз была объявлена тревога–разведка засекла боевой вертолет ЮАР. Конечно, моментально нырнули под деревья и приготовились к бою, но все обошлось, вертушка прошла мимо, то ли не заметили, то ли не заинтересовались. Подождали некоторое время, чтоб убедиться, что вертушка ушла, и двинулись дальше. Наконец приехали в назначенный район, осмотрели, наметили районы обороны рот и батальона в целом, наметили позиции для минометной роты и артиллерийской батареи, в общем, решили все вопросы по обороне. Домой двигались значительно быстрее, чем в ту сторону. Не хотелось лишний раз задерживаться в проблемном районе. Приехали, как не спешили, уже в сумерках и Армандо пригласил советников к себе домой на

ужин. Поужинали довольно весело и не так чтобы очень уж через меру. Больше пили пиво и болтали о разной всячине. Разошлись около девяти вечера.

А утром Ранжел сообщил о приказе вернуться в Вириамбундо. Ждем взвод сопровождения, выделяемый 19бригадой, подтягиваются бронетранспортеры роты, Алексей Степаненко уехал днями раньше, готовимся к маршу. Вечером подходит взвод ПВО и начинается марш домой. И опять никаких преград и налетов. Спокойно прошли весь участок от Шангонго до Каамы. За Каамой отдых в районе 2-й бригады, где прощаемся с ротой охраны, и снова марш на Вириамбундо. И опять шли без света, светила луна. А если луны не будет? А такие ночи бывали. Что тогда? На машинах СМУ (светомаскировочное устройство) нет. Нужно будет выяснить в округе. В Вириамбундо прибыли без происшествий и поломок. Но вот один из дефектов орудий я заметил. Заметил еще в Шангонго. Там позиции находились по обе стороны шоссе, и орудия готовились вести огонь и прямой наводкой в том числе. Так вот, некоторые оптические прицелы смотрели прямо в орудийный щит, а не в окошко для прицела. Там исправлять это возможности не было, ну, а теперь, по возвращении, необходимо было этим заняться в первую очередь. Пока дивизион отсутствовал в Вириамбундо, в нашей со Степаном жизни произошли изменения. Мы переселились. Пока дивизион был в Шангонго, домик бывшего медицинского пункта отремонтировали и подготовили к нашему возвращению. Так что возвращение совпало с переселением в новое помещение. В старом домике жить с семьями категорически было совершенно невозможно, и мы с Ранжелом решили дома поменять, а ремонт нового домика возложить на дивизион 122, Эрберта. Получилось все достаточно удобно.

В скором времени должны были приехать наши со Степаном жены. Их не выпускали раньше потому, что в Москве проходили Олимпийские игры, и въезд в столицу, временно, был ограничен. Теперь был октябрь, ограничения давно сняты, и они должны уже были прибыть. Так что новый домик был весьма кстати. Из нашей «хижины дяди Жени» быстренько переселяемся в новые помещения, и первая неожиданность – без накомарников ложиться спать, вообще ложиться на кровать не рекомендуется. И обувь по утрам обязательно проверять! Всё очень просто – дерево, под которым расположился домик, облюбовали черные скорпионы. Существа, укусы которых не смертельны, но довольно болезненны. Они падали на крышу и расплзались по ней в поисках укрытия. Так что осторожность не мешала. В домике было две хорошие комнаты, прихожая, туалет и т.н. веранда с выходом на улицу. Видимо, когда-то это здание было магазинчиком с кофейней при большой дороге. Шоссе проходило в 40–50 метрах от дома. Веранда, видимо, была торговым залом, а кухня располагалась на улице, в маленьком приделе. Для нас это было не существенно, внешним очагом мы пользоваться не собирались. Кухню устроили на веранде. Главное было устроить бак для воды, и чтоб вода попадала в туалет. Нашли бочку, устроили помост, и провели трубу с водой в окошко туалета. Устроили душ, сама ванна уже была. Только вот воду подогреть было негде, бочка стояла в тени, под деревом, и солнцем не нагревалась. В общем, устроились, как могли. Ждем жен. И, конечно, продолжится работа в дивизионах. Съездил в Лубанго с отчетом о действиях дивизиона на позициях в Шангонго. А там уже зреет идея о направлении по тревоге одной батареи из дивизиона в район гидростанции Руакана. Это от Камы через саванну, напрямик или от Шангонго по бере-

гу Кунене, вниз по течению. И там и там по 100 вёрст с лишком. Идея совершенно бредовая, и откуда она вышла, я так и не выяснил. Подразделений, а уж, тем более, частей у Анголы там не было, голенько. А у буров в Руакане, на их территории, был аэродром с бетонной полосой. Подлетное время к Кааме и к Шангонго – 5 минут, при желании. И какие то воинские части в придачу. Так что идти туда, даже с сопровождением – самоубийство. Высказал своё мнение по этому вопросу Шулакову Анатолию Семеновичу. Больше таких предложений я не слышал. Но возникло другое, не менее «экстравагантное». Поскольку средств ПВО было мало, и, вдобавок, они могли достать самолет только до высоты 3000 метров, то нужно попробовать стрелять на эту высоту из гаубиц. Ведь траектория полета снарядов была значительно выше, да и дистанционные взрыватели к снарядам, в дивизионе гаубиц, были. Попробовать провести такую стрельбу начальство потребовало на ближайших тактических учениях любого дивизиона на учебном поле 2-й бригады, в Кааме. Выяснить, откуда такая идея, мне не хотелось, но подозреваю, что это идея Шулакова. А пока начальство милостиво разрешило начать размечать границы будущего артиллерийского полигона в районе Чибембы, километров на 8–9 южнее. Такой полигон был нужен. Во-первых, потому, что артиллерия округа практически не имела пространства для проведения боевых стрельб. Во-вторых, потому, что вообще в округе не было войскового полигона, не только для артиллерии. В-третьих, потому, что там могли бы отрабатывать боевые задачи, в том числе и со стрельбой, не только дивизионы, но и реактивные подразделения и противотанковые, любые. Такая местность была в районе Чибембы. И последнее, но не менее важное, местность была практически безлюдной, и находилась довольно далеко от

не спокойной границы и достаточно близко от района 2-й мотопехотной бригады. Для бригады такой полигон тоже был нужен. Её учебное поле не удовлетворяло требованиям безопасности местного населения. Оказать помощь в получении топопривязчиков у кубинцев во временное пользование Шишканов отказался. Придется пользоваться старыми, испытанными методами, «с помощью палки и веревки». Договорился о приезде в дивизион советника начальника службы артиллерийского вооружения с ремонтной бригадой и инструментом. Как оказалось, в дивизионе ни в одной батарее не было батарейного «ЗиП» – на складе в округе. Попросил привезти и, заодно, прихватить веретенного масла для противооткатных устройств. Вернулся в Вириамбундо, рассказал Степану о поездке и договорился с ним посмотреть дистанционные взрыватели. Какого типа? Степан тоже не знал этого, руки еще не дошли. Не до этого было. На следующий день в дивизион приехали гости-ремонтники артиллерийского вооружения во главе с советником. Начали обход батарей и осмотр орудий. Черненькие, глядя на прицелы, только руками разводили. Ну, а советникам пришлось думать, что делать. Пришлось снимать щитовое прикрытие, благо, шпильки были из мягкой стали, и отсоединять дуги крепления. А дальше что? Ведь именно дуги погнуты! А они толщиной в запястье взрослого человека. Но... кувалда всегда под рукой, и дуги сдаются. Теперь у всех орудий оптические прицелы смотрят туда, куда надо. Сложнее было с противооткатными устройствами. Практически каждое орудие имело течь, а уж проверять нужно было все. Но, слава богу, к вечеру справились. Ремонтники уехали, не смотря на предложение остаться ночевать. Ну, да, им виднее. А нам со Степаном с утра работа в его дивизионе и поездка с обоими командирами дивизионов на будущий полигон.

Вот это и есть наш домик в Вириамбундо. Лида на его фоне. Ноябрь 1980 года.

Собственно, большого объема работы на следующий день в Чибембе у нас не оказалось. Посмотрели взрыватели, подсчитали их количество, решили, что по «воробьям» ими стрелять – большая роскошь, но приказ выполнить надо, да и самим стало интересно, что выйдет? На этом вся работа закончилась, и мы надели на Эрберта, чтоб он рассказал, как стреляли по мартышкам. И вот тут оказалось, что это был приказ из округа – стрелять. Причем письменный. И советника 130¹¹ в известность не ставить. Приказ он показал. Стало ясно, почему такая спешка в стрельбе. А вот почему не ставить в известность меня, не понятно.

¹¹ Уже упоминавшаяся выше пушка (артиллерийское орудие) М-46 калибра 130 мм.

Но дело уже прошлое, собираемся в поле. Ранжел с охраной уже приехал и ждал нас на шоссе. Приехали в район, выбрали точку для установки бетонного репера, сняли данные для определения его координат. С этого места была видна геодезическая точка на горе Тонго-Тонго, а дальше расчёты. Полигон получался размерами 15км на 30км, то есть там можно было проводить и бригадные учения. Теперь надо было решить на местности где устанавливать геодезические знаки, где делать директрису для прямой наводки, где устраивать наблюдательные вышки для гостей и т.д. Ну, и конечно, что делать с мишенной обстановкой. Вот за этим занятием и прошел день, а потом и еще несколько. Мы со Степаном торопились, поскольку сухой сезон закончился, и вот-вот должны были начаться дожди влажного сезона. А под дождем работать никому не интересно. Работа по новому полигону подходила к концу, когда дивизион опять подняли по тревоге и приказали прибыть в тыловой район 2-й мотопехотной бригады. Прибыли. Видим, командующий округа с советником и наше, артиллерийское начальство. Оказывается внеочередные учения. Ставят задачу на развертывание и подготовку к стрельбе. Дивизион разворачивается, и через некоторое время Ранжел доложил, что дивизион развернут, но для полной готовности необходимо три выстрела. Общее удивление. Зачем? Пришлось объяснять мне. Дело в том, что в этом районе геодезической сети нет. И в качестве отправной точки с нулевыми координатами нужно принимать точку разрыва снаряда, если его увидят. Ему присвоят условные координаты, и дальше от этих координат пойдет вся, условная, геодезическая сеть. Это называется метод направляющего орудия. Для остальной, присутствующей, артиллерии это будет пристрелочное орудие. Разрешение было получено, но, как всегда в уре-

занном виде, один снаряд. После дополнительного убеждения в необходимости нескольких снарядов, милостиво согласилось начальство на еще один. Уже легче, но не очень. Дальномерщик-то совсем не опытный. Возможна очень большая ошибка. Дают еще один снаряд. Ну вот, теперь можно попробовать стрелять. Первый снаряд лег несколько в стороне от намеченной точки, и его, слава богу, заметили все, и дальномерщик. Теперь уже проще. Еще два выстрела, обработка результатов и дивизион готов к ведению огня по новым целям. Командующий не поверил и назначил цель. Выстрел и...снаряд рядом с целью. Больше никто не сомневался, что дивизион может стрелять. Только теперь заметил, что сзади меня стоит Степан, спрашиваю его, зачем приехал? Оказывается, стрелять по «воробьям». Командующий распорядился объявить отбой учениям, выстроить колонну для следования в Вириамбундо, и ждать его. Эрберт, командир дивизиона 122мм гаубиц, развернул одно орудие на бывшей позиции дивизиона стволом в сторону учебного поля. Подготовили снаряд. Я посчитал установку взрывателя, т.е. время его срабатывания, её значение выставили на установочном кольце, и снаряд загнали в ствол. Ствол гаубицы подняли на необходимый угол вверх, так чтобы разрыв произошел на нужной высоте. Производим выстрел, толпа шарит глазами по небу, думают, что вот, сразу разрыв, а его нет. Нужно время чтоб снаряд забрался на высоту. Наконец разрыв, его почти не видно на фоне темно-синего неба. Демонстрация закончена. Ежику понятно, что фокус не для самолетов. Нужны иные средства. Наконец все закончено, и дивизион трогается в обратный путь. В Вириамбундо Шишканов нам со Степой сообщил, что скоро приедут жены. Они уже в Москве и ждут вылета. Для нас это приятная новость, будем ждать.

Где-то в середине ноября, я иду из штаба дивизиона и вижу машину Шулакова. Подхожу, и вижу свою любимую, рядом с водителем, глаза огромные, испуганные, мол, куда это меня завезли. Показываю Шулакову, как проехать к домику, а сам иду напрямик. Благо всего 100 метров. Так вот приехала моя Лидия Михайловна. А через неделю или меньше приехала и жена Степана, Инна, да не одна, а с дочкой Лилей. Начали устраиваться жить вместе, кухня то одна и разносолов, откровенно говоря, у нас не было. Часто стали приходить в гости офицеры дивизиона, очень уж им нравилась маленькая Лилька. Начальник штаба, Антонио Долизи, вообще ее, при возможности, из рук не выпускал.

Теперь после работы мы были заняты своими семьями, хотя они нам не доставляли никаких проблем. Хотя проблема была. Это скорпионы на дереве. А домик в Чибембе не был готов. Поэтому с Лилей всегда была мама или Лида, если Инна была в доме. Но переезжать было нужно. А пока ходили по окрестным местам, где было можно. А около домика теперь постоянно находился охранник. Далеко, конечно, не уходили, то в одну батарею, то в другую. Расстояние вроде бы и маленькое, но по солнцу ходить очень жарко и маленькая быстро уставала, да и женщинам было сложно. Чаше всего ходили к расположению первой батареи, там был маленький зверинец. Несколько мартышек на привязи, большие лакомки, кажется, еще в загоне две маленькие антилопы, но вот не козы точно. Козы паслись около нашего домика, поедая, упавших с дерева, скорпионов. Вообще, нашим женам можно было только по сочувствовать. Мало того, что за десятки тысяч верст от дома, так еще баобабы, скорпионы Мужики-то ладно, это наша работа, а им за что эти радости? Но вот незаметно прошел ноябрь, прошла середина декабря, при-

ближался новый год. Неожиданно мы, две семьи, получили приглашение от старшего группы советских военных советников в Лубанго, Шишканова В.А. встречать новый год в миссии, в Лубанго. Конечно, приглашение было принято, и мы начали готовиться.

На эту поездку, на встречу нового года, я возлагал определенные надежды. Дело в том, что буквально перед самым приездом наших женщин, недели за две, мы со Степаном по каким-то делам были вызваны в Лубанго, и вот, прямо в центре городка Шибия, нас мало того, что вымочило ливнем, а ехали без тента, так и мотор застучал. За 40 километров от миссии. Хорошо, что за нами шла машина одного из дивизионов, и нас взяли на буксир. Так вот, на веревке, нас и притащили в миссию. Там машину отправили в ремонтный батальон и определили, что необходима переборка двигателя. Выполнить это срочно не представляется возможным, очередь. Я насчитал в ремзоне 12 узиков, с разными дефектами, и только у двух надо было менять двигатели. Можно было перекинуть один из исправных движков на нашу машину, но наши господа советники ремонтников делали круглые глаза и махали руками, мол, как такое возможно, это же нарушение всех и всяческих правил. Как будто округ не ведет войны, и я прошу это для своей забавы. Тем более, что машины эти, не исправные, были из бригад, и давно заменены другими. Так что урона никакого. А нам со Степаном польза. Но.... Так и уехали ни с чем. На «Урале».

Так вот, под праздник я хотел поплакаться Шишканову на наше бедственное, без машины, положение. Но не тут-то было. «Ты на чем приехал?» , « На «Урале», «Вот и езди». Все...абзац, приехали. Но Новый 1981 год отпраздновали весело. Так, что жена Шулакова, Лидия Ивановна, сломала лодыжку, оступилась на ступеньке. Но в госпи-

тале ей быстро наложили гипс. И... все, праздник продолжился. Были мы в миссии несколько дней. И в один из дней Шишканов решил организовать выезд «на природу». Выбрали место—Тундаваллу. Не на сам конечно обрыв, его только посмотреть. А рядом, в национальный парк. К большому моему сожалению, пленка в фотоаппарате у меня кончалась, удалось снять только застолье, а на панораму, с перепадом высот, уже кадров не хватило. Я потом очень жалел, что не захватил с собой запасную пленку. Но... «снявши голову, по волосам не плачут». Виды были изумительные. А все потому, что сначала не надо было снимать шашлыки, а потом любоваться видами. Все равно понравилось. Даже сейчас, рассматривая виды Тундаваллы, корю себя за ротозейство. Много потерял. И оправданий нет.

Закончились праздники, но не закончились наши хлопоты. Нам сказали перебраться в Чибембу. И даже выделили маленький генератор, УД-2, для холодильника.

Вдобавок, начальство расщедрилось на две полоторные деревянные кровати. Ну, не все же время спать на солдатских койках. И выделило холодильник. А вот машины не выделило.

Но ничего, все поместится в «Урале». С тем и поехали в деревню Вириамбундо.

Приехали в свою деревню и начали собираться. Дозвонились до Чибембы, сообщили Эрберту о том, что приезжаем, чтоб готовился. К вечеру перебрались полностью и заняли один из маленьких домиков. Когда-то в этих домиках жили служащие португальской гражданской администрации района и офицеры полиции. Ну, теперь казармы солдат дивизиона 122-мм гаубиц и дома офицерского состава. Там же располагались и солдаты—связисты кубинских вооруженных сил, кажется, там был ещё и разве-

Вириамбундо. На снимке, на скамейке: начальник вычислительной команды, зам. командира по тылу, автор, начштаба Антонио Долизи с Лилей на руках, Инна Кравец и Лидия Михайловна. Присели на корточки: комиссар дивизиона Педро Мария Гомеш, в белой рубашке и командир 1 батареи Педро Франсишко Матозу. Ноябрь 1980 года.

Вириамбундо. В один из выходных дней, на фоне нашего домика, но с другой стороны. Ноябрь 1980 года.

*Вириамбундо. Под самым
большим и тенистым
деревом юга Анголы.
Ноябрь 1980 г.*

*Такие вот в Вириамбундо
баобабы. И это маленький.
Ноябрь 1980 года.*

*И мартышки в Вириамбундо тоже водились, ручные.
Ноябрь 1980 года.*

дывательный взвод кубинцев. Так что в смысле охраны все было отлично. Деревьев над домом не было и скорпионов, соответственно, тоже. Устроились на новом месте быстро, проблемой было сооружение бака для воды на крыше, чтобы нагревался солнцем. Но и с этим справились, пристроив к делу вымытый и отоженный бензобак от разбитого «Урала». Нагревался солнышком он великолепно, не до кипятка, конечно, но мыться было приятно. Поставили и завели маленький двигатель, но потом выключили. Зачем его гонять, если есть мощная дизель-электростанция кубинцев, а ее хватало на весь поселок. Так что и холодильник работал. Продукты, кое-какие, были, так что пора входить в обычный рабочий режим. К стати о продуктах. Дивизионы, и 130 и 122, снабжались непосредственно со складов округа. И в достаточном количестве. Сухое молоко из Германии или Дании, различного рада консервы со всей Европы, но вот хлеба не было совсем. Никакого! Наши женщины придумали! Точнее, это Лидина инициатива. Надо печь лепешки. Идея пришлась по вкусу всем, и более всего местным ребятам. У меня в дивизионе, по просьбе командира Ранжела, Лида научила поваров делать эти лепешки. Конечно, пища не на каждый день, но всё-таки. Тем более, что есть сгущенка, из разных стран, чем не лакомство. Короче, приспособились. И начали обихаживать территорию вокруг домика, с единственным видом на гору Тнго-Тонго.

Вот пишу эти строчки и думаю, почему Степану не нравилось фотографироваться? Ну, почти всегда он на снимках выглядит недовольным, или мне так кажется? Не знаю. Довольно часто к нам приходили гости. Кубинцы, когда не были заняты своими делами.

Ребята с радиостанции и разведвзвода, резервисты. Привлекала их, конечно, маленькая Лилька. Люди скуча-

ли по своим детям, у кого они были. А тут малышка....

Конечно, дни проходили не только в фотографировании на фоне местных достопримечательностей. Наш день был с утра и до вечера занят работой в своих дивизионах. Приказано было готовить городок Чибемба к круговой обороне, на все четыре стороны. Мы и готовили. Кубинские товарищи искали место для размещения радиолокационной роты, и в этом мы им помогали. Так что работы было много. Но в первую очередь, конечно, дивизионы. Провели учения на новом полигоне, для дивизионов и реактивной батареи без боевой стрельбы, а вот для реактивно-минометного дивизиона 2-й бригады с боевой стрельбой из 120мм минометов и реактивных установок «Град-1П». В Кааме из этих установок стрелять было нельзя, а у нас – пожалуйста. Так что полигон получился, хотя и не очень точный. Но тут уж не наша вина. Точных средств привязки к местности у нас не было. Отказали-с нам! Сделали даже мишенную обстановку для выполнения задач при стрельбе прямой наводкой по неподвижным и движущимся целям. Неуклюжая движущаяся мишень, но все же лучше, чем никакая. Противотанковая батарея могла учиться, да и наши дивизионы тоже. Вот в конце января на этом полигоне провели мы со Степаном достаточно крупные учения наших дивизионов, противотанковой батареи и дивизиона из Каамы, с приглашением командиров бригад и их советников, начальников артиллерии бригад с советниками, и, конечно, окружного начальства. На этих учениях наши дивизионы стреляли на максимальную дальность, с учетом поправок на метеоусловия. Для многих присутствовавших это было неожиданностью. Так как при поездке на полигон они орудий дивизионов 122мм и 130мм не видели. И не мудрено, поскольку дивизионы находились вне границ

Вириамбундо. Начался сезон дождей. Первые радуги. Ноябрь 1980 года.

Вириамбундо, горка с железной рудой. На пике горки геодезический знак (белый). Октябрь-ноябрь 1980 года.

Групповой выезд на Тундаваллу. Первые дни 1981 года. Сначала шашлыки. Потом осмотр окрестностей.

полигона. 130мм на аэродроме в Чибембе, а 122мм в 10 километрах южнее, у самой границы полигона. 30 и 20 километров соответственно для стрельбы. В общем и целом учения прошли успешно, если не считать перерыва в связи, из-за непроходимости волн с 10.30 утра до 12.30 дня. И интересного явления – по маломощной радиостанции Р–109Д (Р–108Д) в этот промежуток времени можно было слышать переговоры Одесских таксистов по своим рациям и даже говорить с ними, откуда я и узнал, что говорю с Одессой. Явление странное, в сознание не укладывающееся, но, тем не менее.... Наши связисты – спецы руками разводили. Объяснений нет. Это явление проявлялось еще несколько раз, в течение недели – двух, и только в Чибембе. После учений я поехал проводить советников комбригов до Каамы, и там сделал вот этот снимок.

Попрощались, мы с Лидой получили приглашение от Сергея и Светланы приехать в Шангонго на празднование «23 февраля» и отвальную заодно. В марте-апреле они должны были уезжать в Союз. Приглашение получили и остальные присутствовавшие. Мы с Михаилом и Галиной договорились ехать вместе. Вот на этом все и разъехались.

За работой прошло время и, как-то незаметно, подошла назначенная дата. Собрались ехать в Кааму к Михаилу. Поехали на одной из радийных машин дивизиона, она была в тот момент без оборудования, оно было в ремонте. А машиной я временно пользовался как разъездной, с работы, на работу. Водитель в этот раз был штатный, он должен был вернуться в Вириамбундо и днем, 24 февраля, приехать за мной в Кааму. Приехали в Кааму, а Михаил уже ждет. Ну, мы с Лидой пересели в его машину и двинулись в путь, нас ждали к 14 часам, к обеду. Поехали без всякой охраны, только для женщин взяли пятнистые накидки от дождя, ведь сезон дождей в стране. Проехали весь путь

Вот так выглядел наш домик в Чибембе в начале 1981 года. И наши женщины на его фоне.

Чибемба. С видом на Тонго-Тонго. Начало 1981 года.

*Кубинцы, разведчик и связисты. Чибемба. 1981 год.
Один из выходных дней.*

очень быстро, ведь не Михаил был за рулем, а его ангольский водитель, Казимир, так что времени затратили не много. В Шангонго приехали в назначенное время и... за стол, на обед. Потом отдых и легкая подготовка к празднику. Праздновали, а за одно и заранее провожали, довольно обильно и долго. Так что улеглись спать поздно, а подниматься надо было очень рано, чтобы выехать затемно. Вот ведь интересно – сюда ехали... не боялись, а обратно – надо поостеречься. Ну, без головы были, без головы! Встали поздно, уже было светло, и выяснилось, что из Нживы (11-й бригады) пришла машина с советниками. Им нужно было по каким-то делам в Лубанго, в округ. Сейчас они завтракали, и мы присоединились к ним. Позавтракали и двинулись в путь. Первой шла машина Михаила, с Казимиром за рулем, а следом, метрах в 100 – 200, шла машина 11-й бригады, за рулем был, по-моему, Толя Худоерко, точно уже и не помню. Кроме него в ней были и ребята из 19-й бригады (Шангонго). Едем спокойно, я даже задремал. Михаил, впереди, откровенно спал. Как женщины, я не видел, но, похоже, тоже дремали. Разбудил меня треск и грохот, пришел в себя уже в кустах. Схватил автомат и за дверь, крикнув женщинам одеть сверху накидки. Они ведь как яркие бабочки на зеленом фоне. Показал женщинам, где укрыться под деревом, и пошел искать Михаила. Его в машине не было. На шоссе стоял дым от разрывов, и слышан был гул двигателей уходящего самолета. А на шоссе, в дыму, длинная фигура пляшет и кричит: « Не попали! Не попали! Не попали!..». Второй машины не видно. Ну, думаю, накрыло её. Но вот из дыма кто-то бежит и кричит: « Все целы?». « Целы», « А мы уж думали п...ц, накрыло!». Вторая машина шла метрах в ста сзади и только въехала под крону огромного придорожного дерева, росло рядом и перекрывало шоссе, как впереди увидели взрывы от

неуправляемых авиационных снарядов, услышали звук самолета, и наш узик исчез. Ну, отдышались, самолета не слышно, вторую машину перегнали в кусты под деревьями, начали осматриваться, не зацепило ли кого. И, вот чудо, на нашей машине ни одной царапины. Все целы. А вот на шоссе шестнадцать маленьких вороночек от ракет, причем, как бы, восемь слева сзади и восемь справа впереди. Это определили по следам торможения и поворота машины. Казимиру Я, Михаил, Лида, Галя обязаны жизнью. Как он успел увидеть в зеркало самолет и, среагировав, увернуться от снарядов, до сих пор не понимаю. Сколько мы простояли под деревьями, в кустах, не помню. Видимо долго, но ехать ведь нужно было, а самолета слышно не было. Решили, что он ушел. И попутно выяснилось, что до Каамы, всего около 20 километров. Рванули дальше, что было сил. Не доехали, а долетели до бригады. А там уже переполох – «советники погибли, их самолет обстрелял». А тут мы – «все в белом»! Видимо, все-таки кто-то за нами смотрел, если, раньше нашего приезда, в бригаде узнали об обстреле машин¹². За советниками следили. Это абсолютно точно, но мы этой слежки не видели, только иногда ощущали на собственной шкуре. Как бы там ни было, потрясение от обстрела было сильное. Поэтому я постарался побыстрее уехать к себе, в Чибембу. Благо машина меня уже ждала, и шофер рвался ехать. Быстро попрощавшись с Галей и Михаилом, поехали домой и уже не торопились, думая, что здесь не достанут. Если бы мы знали, как ошибались....

Прошло несколько дней и все вошло в норму. Решил с Ранжелом осмотреть окрестности Чибембы на предмет на-

¹² Возможно, новость передавалась Там-Тами.

Каама, 1981 год. Слева направо: Михаил (2бригада), его жена Галина, жена Боярского, моя жена, Юрий Боярский (11бригада), Сергей (19 бригада), его жена Света, жена Славы, Слава (политкомиссар 19 бригады). Сидит – техник по ремонту АТТ 19 бригады Андрей.

личия опорных (геодезических) точек. Ведь на гору Тонго-Тонго, не полезешь каждый раз. Хорошо, что ее, точку, хоть видно. А на карте есть еще одна. Вот и надо найти. Взяли «Урал», приборы, взвод охраны, само собой, и двинулись мимо грунтового аэродромчика, предупредив Эрберта и командира взвода орудий прямой наводки, державших под наблюдением этот аэродром. Двинулись браво, сначала по дороге, потом по тропе, правда, больше похожей на узкую дорогу, ну а потом и вовсе без дороги, напрямик. Было утро, часов 9 или чуть раньше. Тем более, что ночью и под утро прошел дождь и земля с растительностью еще не высохла. Мы рассчитывали вернуться к 12 часам. Перед самым пеклом. Да и не очень далеко была эта точка, километров 10–15, но ее надо было найти и осмотреть. Трава и кустики просто стелились под «Урал», так и ехали до нуж-

ного района. Приехали, начали поиски. Нету точки. Продолжаем. Пустое дело, если и была, то теперь ее нет. Решили возвращаться, тем более, что становилось уже жарко, а времени – еще только 10. Подходим к машине, и на тебе, почти у самых колес бетонный, уже серый прямоугольник, присыпанный листьями и ветками. Быстренько его раскапываем и чистим. Да, это то, что мы искали. Но где же его место? Он выдернут с корнем, т.е. бетонным основанием. И где было его место теперь не определить. Кому это понадобилось? Явно не в настоящее время, а значительно раньше. Бетон покрылся зеленью от плесени. Прогулка в пустую, хотя одно ясно – точка больше не существует. Да и время уже 11 часов. Двигаемся обратно по своим следам, чтоб лишнее не плутать по кустам. Гору нашу видно, вот туда и едем. Ехали, ехали, вдруг свист и давление масла на 0. Приехали! Лезем с шофером под машину. Всё ясно. Прутком куста вырвало шланг высокого давления, и масло все выбило на землю. Как я не сообразил? Ехали то «против шерсти»! Утром влажные кусты примялись и так высохли, а теперь мы их со страшной силой распрямляли. Ну, они нас и наказали за «хамство». Делать нечего, переходим в пешоту. Определили направление и двинулись. Как бы, вроде, и не очень далеко. Вон, до тех серых скал, для начала. Потом снова определимся. Двигаемся. Жарко. Пить охота. Фляги с водой есть у каждого. Но ведь ребята не слушают, пьют, как хотят. И вода постепенно кончается. Подходим к серым скалам, и ...в разные стороны, кто куда. Какие скалы?! Слоны! И один двинулся в нашу сторону. Мы то ведь шли, не стараясь скрываться, шумели ветками. Но, вот как охотник Ранжел спутал скалы со спинами слонов? Бежали быстро, все казалось, что нас догоняют эти, серые. И опять охотник ошибся! Оказывается, слон долго не преследует, отпугнет, отгонит подальше и все. Но мы то чесали минут

пятнадцать-двадцать, чуть сердце не запалили. И хорошо, что никого не потеряли в панике. В общем, благодаря слоникам мы отмахали, почти бегом, несколько километров и сделали хороший крюк, но вышли на утоптанную дорогу. Дальше было уже просто. Просто шли шагом, так как охрана, наша с Ранжелом, выдохлась и выпила всю воду, в запарке. Пришлось делиться. Наконец добежали, дошли, доползли, все! А на позиции прямой наводки и на водонапорной башне оживление, пялятся в бинокли во все стороны. Нас ищут! Но ищут машину, пыль, дым, все, что может указать на наше движение или, наоборот, на не движение. А мы еле, еле пришли пешком. И времени было уже шестой час вечера. Где же мы бегали? Почти пять часов!!! Вот с тех пор, я в Анголе всегда носил с собой флягу с водой. Всегда! Но хорошо, что все хорошо кончается. На следующий день за оставленным «Уралом» пошел тягач «КрАЗ», у него картер и шланги закрыты, и притащил, бедолагу, на буксире. Вся операция заняла три часа. Туда и обратно. Кстати о «КрАЗ»-ах. В дивизионе 130мм пушек было 15 или 16 этих машин. Отличные машины для Африки, но только в южном исполнении. А в дивизион наши умники из Союза поставили машины в северном исполнении, с подогревом кузова. Можете себе представить каково ехать на такой «сковородке» в «духовке». Слава богу, что котлы подогрева картера были сняты еще в Луанде. Печки и трубы подачи газов в систему обогрева кузова глушили уже в Лубанго и заканчивали в Вириамбундо. При мне техник дивизиона доделывал три последние машины. Они стали запасными тягачами в батареях. И все-таки из-за таких ляпов смотреть в глаза людям было не удобно. Но это отступление. Оно, кстати, характеризует уровень мышления советского руководства и не только в этом случае. Это вообще касалось поставок военной техники развивающимся

странам. Что касается моего дивизиона и вообще артиллерии Анголы, то средств топогеодезической привязки там не было и в помине, из средств артиллерийской разведки – по одному оптическому дальномеру ДС-1 на дивизион. Хорошо хоть буссоли были и бинокли. Вот так и жили.

Но вернусь обратно к повествованию о пребывании в Чибембе. Это все будни. А бывали и выходные. В один из таких выходных, мы со Степаном, решили научить наших женщин стрелять из автомата и пистолета. Поехали на винтовочный полигон довольно большой толпой. И вот тут Инна на отрез отказалась брать оружие в руки. Лилька удобно устроилась на руках у Долизи, он тоже не стрелял. Пришлось отдуваться Лиде, ее учили все, кому не лень. И научили.

Пожалуй, это был последний выходной, когда мы выезжали куда-нибудь вместе. Вскоре после этого выезда нас со Степаном вызвали на сборы в Лубанго, и семьи, естественно, поехали с нами. В Лубанго пробыли мы, наверно, дня три-четыре и вернулись в Чибембу.

А вскоре дивизион мой опять подняли по тревоге и направили в Шангонго, на позиции. Но в этот раз со мной была уже жена. И нужно было думать, где поселиться в миссии и на сколько долго. Марш в Шангонго прошел отлично и это при заклеенных фарах (типа светомаскировочного устройства). На этот раз позиции дивизиона были определены не перед мостом через Кунене, а почти в городе, в полутора километрах от крепости, на окраине. Как я ни доказывал отвратительность этих позиций, новый командир бригады, Кибету, решения своего менять не стал, а его советник, временный, Зырянов Виктор, настоять не сумел. А позиция эта для дивизиона была настоящей ловушкой. Мало того, что с нее он имел ограниченный сектор обстрела, не перекрывал шоссе на выезде из

Учимся стрелять. На втором плане Степан Кравец (советник командира адн 122).

Чибемба. Винтовочный полигон. Мы приехали учиться стрелять. Февраль-март 1981 года.

Шангонго и дорогу на юг, вдоль реки, на гидроузел Калуэки, так и не давал возможности менять позиции батареями внутри позиционного района. А в случае необходимости, не давал возможность сменить позиционный район, не было другого на этом, левом, берегу реки. Всё это Кибету понимать не желал. Вообще человек был очень заносчивый и с советниками не считался. К сожалению, Сергей к этому времени уже уехал в Союз, а советник начальника штаба бригады, в глазах её командира, веса не имел. Оставалось только уповать на лучшее, на мирную обстановку. Кстати, этот вызов на позиции поставил меня сначала в тупик, причин для этого не было. Только позже, уже в конце апреля, при приезде в Шангонго министра обороны Педале и нашего старшего в Лубанго Шишканова, выяснилось, что прикрывать то город нечем и нечем. Бригада была раздергана на батальоны по разным направлениям. В передовой отряд в Куамато, на борьбу с «УНИТА», еще рота куда-то. В полосе обороны бригады оставались не полный батальон, две батареи пушек 76мм и две минометные батареи 82мм, да, еще танковая рота Т-34-85, без воздушных баллонов. Такой вот расклад. Но об этом я узнал значительно позже, а не в день прибытия на позиции. Началась работа на позиции, оборудовали ее, как могли лучше, понимали, что отсюда дивизиону, в случае чего, не выбраться. Значит надо укрепляться. Приехал в Шангонго Шулаков Анатолий Семенович. Посмотрел позиции, командный пункт, наблюдательный, и посоветовал... соорудить здесь винтовочный полигон, чтоб офицеры могли тренироваться. Мало того, что у нас был миниатюрполигон переносной, с удочкой, нет, подавай ему винтовочный. Пришлось делать. Сделали. А время идет, и никто не нападает. Мирно, тихо. Окружное начальство решило провести в Шангонго сборы. Вот

тогда прибыл министр и наш старший. Ну, провели сборы. У меня от них в памяти не отложилось ничего, кроме знакомства с новым советником начальника артиллерии ВС Анголы, Саложниковым. Фамилия в артиллерийских кругах известная, но вот имя и отчество забыл. Он теперь вместо Фомина. Он сразу со мной согласился о необходимости смены позиции и перемещении за реку. Говорил ли он кому-либо, что-либо, мне не известно. Но Шишканов сказал, что я пойду в отпуск сразу же, когда дивизион вернется к месту постоянной дислокации. И еще придумал для меня должность заместителя советника начальника артиллерии округа, правда, без оклада, на голом энтузиазме. Высокие гости уехали, и опять потянулись дни, полные работы с подсоветными, вечерними посиделками на веранде у Кунделя Кости. В общем – рутина. Проводили в отпуск Толю Чередника с женой, он приехал несколько раньше меня, в апреле 80 года. Собирался в Союз советник начальника артиллерии бригады, но в июне. А где-то в середине мая, пришла команда дивизиону убыть к себе домой, в Вириамбундо. Смотрелись мы замечательно быстро, даже не стали ждать взвода прикрытия, да и не было его в бригаде. Только когда прибыли в Кааму, вздохнули с облегчением. Дальше двинулись, почти с песнями. В Чибембе все было на месте, как и до нашего отъезда, цветы росли, холодильник работал. Только ушел кубинский взвод разведки. Но осталась радиостанция и генераторная. Дня через три вернулись из Лубанго и Инна с Лилей. Оказывается, после нашего убытия в Шангонго, Степан отвез семью в Лубанго, к Рагушному Владимиру Филипповичу. И она там была месяц. Конечно, Степан поступил совершенно правильно, не за чем оставлять семью одну в неизвестности. Произойти могло всякое. Сейчас уже и не помню, но кажется мне, что пробыли мы все вме-

сте в Чибембе до конца мая. А потом мне пришла команда собираться в отпуск и прибыть в Лубанго. Уезжали из Чибембы сразу две семьи и для женщин это было прощание с ней навсегда, больше они туда не вернулись. Семья Степана была в Лубанго до самого отъезда в отпуск. Ну, а Степа в Чибембе был один. Так он мне потом говорил.

Приехали в Лубанго. Поселились у Шулакова Анатолия Семеновича. Жена его уже поправилась, но еще ходила с палочкой, опасалась за ногу. Потихоньку нервное напряжение спадало, и начинали вылезать болячки. У меня разболелись зубы. Да не один, а сразу три! Два с одной стороны, вверху и в низу, и один с другой. Завтра улетать, а я челюсть не могу закрыть. Кто-то посоветовал сходить к строителям, мол, там сейчас врач-стоматолог. К большому моему счастью я нашел доктора во время, он только поднял стакан, но не выпил. Я помешал. Пошли в его кабинет, он осмотрел и заявил, что надо рвать. И сейчас. Два укола в одну сторону, заморозка на другую, и через двадцать минут я, счастливый, уже в миссии, а доктор со стаканом. Все бы хорошо, да вот ноги идти по лестнице отказываются, ватные. А лифт не работает, как всегда. Мимо идет Шишканов -

«Чего сидишь?». А я и ответить не могу, как немой показываю на рот, на ноги и что-то мычу нечленораздельное. Он заржал и двинулся дальше. Не чтоб помочь! Хотя, чем он поможет? Вся миссия прошла через этого доктора стоматолога. Он единственный прилетел из Луанды, и то по линии строителей, а не военной. На него молиться надо было, за то, что всех принял и помог. Ну, к вечеру все прошло у меня, и можно было подумать о некоторых радостях, например, посмотреть кинофильм, на крыше. Фильмы в миссии в Лубанго показывали на крыше дома. Она была плоская с бетонными перилами. На крыше сто-

яла будочка с аппаратом и две штанги с экраном, и конечно скамейки. Что уж там показывали сейчас не помню, но сидеть без курточки на крыше было, мягко говоря, прохладно. Все понятно – сухой сезон. По-нашему – зима. На следующий день Шулаков отвез нас с Лидой в аэропорт. Пришел борт из Луанды, Ан-12, и забирал всех и все, что надо. Но шел он обратно в столицу с заходом в Мосамедиш, потом в Уамбо, и только потом в Луанду. Другого варианта на этот день не предвиделось, поэтому пришлось лететь. Вот когда я вспомнил добрым словом доктора стоматолога. Наконец прибыли в Луанду. Автобус привез в миссию главного. Поселили в комнату, поставили на довольствие. И свободен, до завтрашнего утра. Утром визит к начальнику строевого отделения, получить отпускной и свои билеты, потом визит к начальнику финансовой части, за денежным довольствием, чеками. Чеков надавали кучу, возник вопрос, как везти. Супруга придумала, на майку нашла карманы, в них чеки. Получилась как разгрузка для рожков автомата. Только жарко шибко. Это ведь Ангола. Вечером посмотрели в клубе фильм «Москва слезам не верит», на режиссера Менъшова и Веру Алентову. Они представляли картину. На следующий день мы улетели. Первая посадка в Браззавиле, в здании аэровокзала и около него маленький базарчик. Смотрим что по чем. Все дорого, за баксы. А у нас их нет. Просто смотрим на изделия из малахита, янтаря, еще чего-то, на всякие маски и прочие интересности. Недалеко от нас Алентова выменяла на бутылку в 1 литр водки бусы малахитовые и, кажется, браслет. А я и не знал, что этот вид валюты здесь тоже ценится. Дал себе слово, что уж на обратном то пути не упущу возможности, но.... Летим дальше, мы с Лидой в первом салоне, с чего бы так, не знаю, видимо наш Ил-62 был весь второго класса. Все спокойно, до Москвы еще, 11

часов лета, пора на боковую. Или поесть сначала? И вот эти мои размышления прерывает в друг дикий вопль – «А!А!А!А!.....». Я подскочил, как будто меня кто ужалил. Но вопль стих, пассажиры, видимо начавшие к тому времени дремать, вертят головами. Но все спокойно, только стюардесса мечется в панике, не может понять, кто орал. Я засек направление, впереди нас, в первом ряду, у иллюминатора. Но кто орет? Может быть больной? И тут опять этот вопль! Стюардесса туда, короткая какая-то возня. Потом стюардесса убегает и возвращается с клеткой. Оказывается это серый жако, попугай! Ему, заразе, в чайнике стало скучно! И он попросился на волю. Так и летел в клетке до Москвы. А там опять в чайник, дальнейшая судьба его мне не известна. Вот и Москва! Взяли вещи и в гостиницу. Ту, из которой уезжали в Анголу. В гостинице встречаем чету Важников, Иосифа и Женю, из Нживы. Тоже в отпуск. Поселяемся рядом. Женщины занялись своими делами, а мы с Иосифом отправились к Сунцову, доложить о прибытии. Он нам выдал наши офицерские удостоверения, вручил отпускные билеты и отправил в кассу за билетами на обратный путь, за 45 суток, ну там и еще чуть-чуть, с учетом дороги. Взяли мы билеты, доложили об этом и свободны, можем гулять! Заехали за женами, и пошли бродить по Москве, в первую очередь в Кремль, а дальше как получится. Уехать в этот день домой нам не удалось, очень устали, да и на следующий тоже. Только на вторые сутки мы с Лидой смогли выехать в Ленинград. Отпуск начался!

Учения в Шангонго

Проводил учения с артиллерией 19 бригады командир бригады Арманду, на то время старший лейтенант. Назвали это учение «Тактико-специальное занятие.....» и т.д. Проводилось оно не только для командиров бригад и офицеров штабов бригад, но и для местного ополчения. Наблюдал за ними командующий войсками округа, не помню по имени, по званию – подполковник, только получил. Ну а помогали готовить эти учения все советники бригады.

Вот некоторые снимки с этого учения.

Командир 19 бригады Арманду докладывает командующему округом о готовности к проведению тактико-специальных занятий с боевой стрельбой.

Арманду докладывает план проведения учений.

Осмотр позиций батареи 76 мм пушек при подготовке к учениям. Слева направо: Командующий артиллерией округа – ст. лейтенант Фарель, сзади его Толя Мазепов, командир орудия, командир 19 бригады Арманду, с палкой советник начальника артиллерии округа, т.е. Фареля, Шулаков Анатолий Семенович. 1980 год.

Благодарные зрители. Правда, очень темненькие, и на снимке, и в жизни.

Слева на право: Толя Мазепов (советник к-ра адн 122мм гаубиц 5ВО), нач. артиллерии 19 ПБр мл. лейтенант..., Костя Кундель (советник к-ра б-на ПБр), Толя Чередник (советник к-ра адн 19ПБр), начальник артиллерии 5 ВО ст. лейтенант Фарель, Коля Красивский (советник к-ра б-на ПБр), советник начальника артиллерии 5 ВО Шулаков Анатолий Семенович, советник начальника артиллерии 11ПБр (Нжива) Киреев Евгений (погиб в сентябре 1981г), переводчик советников бригады Валера Еремин. Шангонго, 1980 год.

Нач. артиллерии 19 ПБр, я, Шулаков и переводчик Валера Еремин.

Такие вот баобабы в Шангонго. В дупле этого гиганта был фельдшерский пункт одного из батальонов 19 ПБр.

Слева на право: Борис, Толя Мазепов, Толя Чередник, Женя Киреев и Я.

2 К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ КОМАНДИРОВКАХ

Второй год пребывания.

Всё хорошее когда-нибудь кончается. Так и отпуск закончился. И хотя прошло полтора месяца, кажется, и не отдыхал вовсе. В середине июля прибыл в управление, к Сунцову, получил направление в гостиницу «Дом туриста», в новом, на те времена, районе Москвы. Почти в конце Ленинского проспекта. До гостиницы добирался на метро, станция «Юго-Западная», а там пешком до гостиницы, так объяснили. А она на Ленинском, правда, это не так уж и далеко. Регистрируюсь, получаю номер и начинаю соображать, чем занять себя двое суток до вылета. Можно выспаться после поезда, а можно и тетку двоюродную навестить. Решаю с начала слегка отдохнуть, предварительно позвонив тетке. Ответила двоюродная сестра. Договорились встретиться в три часа дня. Теперь можно спать. С тетушкой и сестрой встретились, поболтали, попили чаю, и я двинулся обратно в гостиницу, но уже новым маршрутом, напрямик по проспекту, без пешех прогулок. У дежурного администратора узнал, что бассейн еще работает, и что эта услуга входит в стоимость номера. С удовольствием воспользовался. А потом на ужин. Так один день прошел. Следующий день, точнее его первая половина, был посвящен управлению ГШ. Что делал там, за давностью не помню, но не писал никаких бумаг точно. Кажется, были какие-то лекции-беседы. Встретил Иосифа Важника, он в другой гостинице, и приедет только к самолету. Так что не

погуляли мы с ним по Москве, как планировали, направляясь в отпуск. Один бродил по Москве, пока не стер ноги. Бродил, конечно, в центре. И обязательно в зоопарке. Вообще люблю зоопарки. На следующий день отправился в аэропорт, сдал багаж, и стал ждать отправки, не отлучаясь уже из вокзала, да и некуда было. Маршрут был тот же, что и в первый мой полет в Анголу, то есть Москва – Будапешт – Браззавиль – Луанда. Но вот когда взлетели, то маршрут, оказалось, из-за погодных условий, изменили. Теперь мы летим Москва – Париж – Браззавиль – Луанда. Радуюсь, что Париж хоть с высоты увижу, на земле всяко далеко не выпустят, будет полицейский кордон. Но...погода не балует. Париж затянут тучами, и плотно. Садимся, говорят, в аэропорту «Орли», ну и, конечно, предупреждения.... Сели. Вышли из самолета, а с наружи дождь, двинулись в вокзал, такой же «сарай», как в Будапеште. Таким вот перед нами предстал Париж. Через час снова в воздух, теперь уже на 11 часов. Все повторяется, вплоть до того, что я опять забыл взять у командира корабля «Сертификат пересекшего Экватор». Все повторяется, кроме одного, переводчики уже не заполняют миграционную карту в Луанде за тебя. Заполняй сам. Кто запасливый, тот заранее такую бумажку себе сочинил, когда летел в отпуск.

Приехал в миссию, доложил в строевой части о возвращении, встал на довольствие и пошел размещаться. Спустя какое-то время меня разыскал дежурный переводчик и направил к Сапожникову, моему шефу. Я ему рассказал, что сделал по его просьбе, и передал письмо. А потом он предложил поехать на пляж Луанды освежиться в океане. Приехали. Но когда я увидел разорванную противоакульную сетку на пляже, плавать как-то расхотелось. Окунулся у берега, и хватит.... В прочем, в воде купавшихся людей не было, только на пляже несколько загоравших.

По тому убожеству, что осталось, можно было судить, что пляж был отличный, и ... безопасный. Хотя прибрежные воды далеко не безопасны. Много акул. В Луанде, в миссии, пробыл два или три дня, не было борта на Лубанго. Щедротами тыловики, начальника вещевого склада, получил легкие зеленые брюки, серую легкую рубашку и как ни странно, зеленый свитер. Ну, рубашку и брюки носить было негде, а вот свитеру обрадовался. В нашем районе вечера, иногда, бывали очень холодными. И перепад дневных и ночных температур бывал огромный, иногда до 40 градусов. Днем +45, а ночью 0 или, еще интереснее, -1 градус. В Вириамбундо серые скалы днем бывали раскаленными, руку не приложить, а ночью 0, и скала трескается. Звук как от выстрела. В первые месяцы, бывало не по себе, а потом привык. Обломки скал от таких разломов были почему-то плоскими, с острыми краями. Так что свитер был нужен. Да и в Лубанго вечерами тоже бывало прохладно. Наконец сообщают, что будет борт на Лубанго – Менонге. Собираю свои вещи и жду автобус на авиабазу. Иосиф Важник тоже рядом, эти дни он общался со своими начальниками, я его почти не видел, только перед выездом на базу. Авиабаза – это тот же аэропорт, только огорожен забором из колючей проволоки, местами. Загружаемся в Ан-12, с нами еще несколько человек советников и десятка два солдат и офицеров ангольцев. Все они летят в Менонге, организовывать 6-й военный округ. Вылета ждали долго, наконец, тронулись. Лететь почти два часа. Самолет идет не высоко, кабина грузовая, не герметичная. В рубашке прохладно, но свитер выручает. Подлетаем к Лубанго, самолет делает круг и...не садится, а идет в обратную сторону. Гляжу в иллюминатор, один двигатель стоит, во флюгере, то есть вращается винт от встречного ветра. Вышел бортинженер, говорит, что в Лубанго нет стремя-

нок для их самолета, и придется возвращаться в столицу, на базу. Так на трех движках и тянулись до аэродрома. А на посадке заглох еще один, на другом крыле. Но сели, тяжело, правда, но сели. Зарулил самолет на стоянку, пилоты говорят: « ребята, через двадцать минут полетим, не разбредайтесь, а мы сейчас...» и сгнули. У двигателей капоты вскрыты, в них копаются спецы и конца этому не видно. Прошло некоторое время, появляются летуны, разговорились. Оказывается, действительно, в Лубанго нет стремянок необходимой высоты, чтоб дотянуться до моторов Ан-12. Только для Ан-24. Так, что сесть мы там сели бы, а вот дальше...никуда. Ну, а второй движок – это «закон подлости». «Им, движкам, еще до ремонта работать двадцать часов, пусть специалисты разберутся, что там. Но сегодня улетим точно». Действительно, скоро стремянки убрали, моторы опробовали, и нас снова пригласили на борт. На этот раз долетели значительно быстрее, так мне показалось. Или действительно экипаж спешил. В миссии доложил о своем прибытии Шишканову, а у Шулакова Анатолия Семеновича просто были мои вещи и оружие. Переоделся во все местное пятнистое, нацепил пистоль на ремень и ... как будто никуда не уезжал. Вечером с Семеновичем и Лидией Ивановной отметили мой приезд. Они поинтересовались, почему не приехала жена. Сказал, что Лида хочет побыть с сыном и еще немного отдохнуть. Узнал последние новости в округе. В принципе, ничего нового, все по-прежнему. За исключением.... Завтра Семенович отвезет меня в Чибембу, если Шишканов не передумает. На следующий день Шишканов дал «добро» на выезд. Заодно поручил Семеновичу проехать в Каму для решения каких-то своих вопросов. Выехали утром, после завтрака. Вот в дороге Шулаков мне и рассказал, что в Каме сменился командир бригады, а вместе с ним и совет-

ник командира, но не по своей воле. Оказывается, Михаил поехал из бригады в Лубанго, оставив водителя, Казимира, дома. В дороге превысил скорость, не справился с управлением, машина перевернулась, и он сильно пострадал, переломы. Будет ли отправлен в Союз, не известно, но в Лубанго его уже нет, улетел. Так что, в бригаде ждут, со дня на день, нового старшего группы. Меняются советники политкомиссаров, Слава, из Каамы, идет в Шангонго, а оттуда, кажется Виктор Петрович, полковник, еще рисовал хорошо, в Кааму. Информация интересная, конечно, но почему о ней надо было говорить в машине, а не дома? Секретов-то нет. По нашим дивизионам новостей никаких, кроме, пожалуй, одной. Решено больше в Шангонго дивизион 130 не посылать. Можно потерять в случае чего. Вот это уже интереснее. Видимо, что-то сдвинулось в мозгах руководства. 130-это не легкое противотанковое орудие, почти 8 тонн массы. В Шангонго нужнее легкие, мощные системы, хотя бы 85мм, для начала. И с полным набором снарядов, подкалиберных, бронебойных и т.д. И не батарея, а дивизион, четырех батарейного состава. Все равно пора делать что-то вроде артиллерийского комплекта. Противотанковой батареи из 4-х 57мм пушек ЗиС-2 слишком мало. Но ведь никто не пойдет на организацию такого дивизиона. Нет в Союзе аналогов – по четыре батареи. А подумать не хочется, хотя орудия есть. И есть знание, что у буров главное – бронетехника, бронеавтомобили в основном. Семенович соглашается со мной, но.... У него скоро замена. И лишние острые вопросы поднимать не хочется. Достаточно вопроса о доставке боеприпасов для 130. Еле-еле смог пробить, но решения нет. Думают-с! В ближайшей перспективе никаких учений и занятий с дивизионами и батареей 57 не планируется. Да, две машины БМ-21, из реактивной батареи округа, ушли с батальоном

2-й бригады на борьбу с «УНИТА». Интересуюсь, с чьей подачи принято такое оригинальное решение – разделить батарею. Решение командующего. Ну, что на это можно сказать? Вообще, по словам Семеновича, настроение, точнее ощущения последнего времени, оптимизма не прибавляют. Не смотря на затишье со стороны буров, активизировалась «УНИТА», шастает между Нживой и Шангонго, батальоны выделяются на борьбу с ней. Самолеты зачастили, не атакуют, но ведут разведку точно. Вот в таком примерно тоне и проходил наш с Шулаковым разговор в ходе поездки. Время прошло быстро, да и расстояние всего 100 верст. Приехали в Чибембу, попрощались, и Анатолий Семенович поехал дальше, в Кааму.

Вот и знакомый домик, розового цвета. Открыл дверь, полно пыли. Хозяев-то нет, гуляют. Принимаюсь за уборку, благо швабра и тряпки имеются. И вода в бочке есть. Жить можно. Изменилось и население военного городка в Чибембе. Ушли кубинцы – разведчики, остались только связисты, да и те скоро уйдут. Останется только рота радиотехнической разведки кубинцев, но она стоит в паре километров впереди и ее солдаты и офицеры в городок не заходят. Локаторы ее уже во всю крутятся. Говорят, просматривают всё воздушное пространство юга Анголы и даже в Намибии. Очень может быть. Надо будет их как-нибудь навестить и обсудить практический вопрос оповещения о приближающихся самолетах.

Вечером ко мне приехал Антон Долизи, начштаба дивизиона 130. Обсудили предстоящие батарейные тактические занятия с выходом на полигон. Пришел Эрберт, командир дивизиона 122, пригласил на ужин. Вот так, как мне помнится, прошел первый день после отпуска. А дальше, ...дальше опять началась повседневная работа. И не только в своем дивизионе, но и дивизионе 122,

пока Степан в отпуске, и в противотанковой батарее и в реактивной батарее. Работы хватит. Степан должен приехать в первой половине августа, а пока с Эрбертом обсудили какую батарею поставить на позиции в Чибембе, чтобы закрыть южное направление, со стороны Шианже и где разместить наблюдательные пункты дивизиона и батареи. Это направление вообще ничем и никем не прикрывалось, хотя внизу, далеко, есть посадочная полоса для легких самолетов. Вряд ли буры о ней не знают. Тем более, что через это направление прошли самолеты буров в 1980 году, когда бомбили Лубанго. Шуму и треску тогда было много, но результат.... Один пустой склад и даже без окон. Потерь среди населения или вооруженных сил не было. Писалось, что было сбито 1...5, нет 6 самолетов. В реальности же, что подтверждено осмотром обломков, только 1. Обломки остальных не нашли. Далеко упали. Но упали, точно! А ушли самолеты, как и пришли, мимо Чибембы, по долинам между горок. Так что, всяко, это направление надо было прикрывать. Тогда же, в 1980 году мы выставляли на вероятном маршруте пролета самолетов стрелков-зенитчиков с ракетами «Стрела». Но проторённым маршрутом буры больше не пользовались, да и налетов на Лубанго больше не было. Стрелки тогда не пригодились. А вот сейчас...! Очень уж много полетов авиации буров. И днем, и ночью. Ночью смотреть интересно, они даже не выключали аэронавигационных огней. Так и летали с мигалками, и не думали скрываться. И на дорогах никого не трогали. По этой вот причине и требовалось переговорить с командиром локаторщиков об устройстве оповещения в Чибембе. А то прилетят гости, и не услышишь, если не промахнутся. На следующий день договорились протянуть полевою телефонную линию от одного дежурного к другому. Протянули. Теперь нас оповещают.

Одна проблема была решена. Теперь нужно было решать другую, ставить батарею на позицию. На это нужно было решение округа, а у командира дивизиона разрешения не было. Помог случай. Из Чибембы в Вириамбундо вышел грузовик «Урал», выехал быстро из-за поворота и... налетел на быка, «пову» – т.е. народ, брызнул во все стороны, ну а бык оказался под колесами. Пришлось мне быка пристрелить, чтоб не мучался. И тут к нам подъезжает «рейндж-ровер» командующего. Поздоровались, объяснили, что случилось. Он приказал за быка заплатить, а мясо отправить в котел дивизиона. Попутно поговорили с ним о наших делах, показали на месте, чего мы хотим. Он оценил идею и дал разрешение на занятие позиции батареей. Проблема была решена. И без советников из округа. Командующий выпил с нами кофе и поехал дальше, в Кааму. Ну, а Эрберт принялся за дело. Я же поехал на злополучном, без тормозов, «Урале» дальше, в Вириамбундо. Сразу предупреждаю, за рулем был не я, штатный водитель. В своем дивизионе рассказал о случившемся Ранжелу, а что тот говорил автотехнику дивизиона, я не слышал, далеко было, но видел энергичную жестикуляцию командира. В этот день мне предстояла выверка всех орудий дивизиона, процедура не сложная, но довольно долгая по времени из-за того, что орудия нужно было вытащить из укрытий и подготовить к работе и не все сразу, а по одному. А вот бык помешал начать работу рано утром, по холодку. Но как бы там ни было, к 18.00 часам всё было закончено, ничего не пропущено. И в выверке орудий можно было быть уверенным.

По плану у меня было проведение тактических батареинных учений без боевой стрельбы. Вот ими я и занялся вплотную после решения вопроса с занятием позиций батареей 122мм гаубиц. Учения проводил сам, без пригла-

шения высокого начальства, да и оно не слишком рвалось к нам. Провели эти занятия достаточно организованно и, на мой взгляд, поучительно для подсоветных.

Незаметно прошли дни, наступила вторая половина августа, из отпуска вернулся Степан, и стало много веселее. Все не один. Начали с ним готовить тактико-строевые занятия батареей его дивизиона. С составлением плана проблем не было, взяли мой, скопировали и поставили новое наименование части. А вот на сами занятия дивизиона 122 мм гаубиц, приехали начальники из округа. В частности начальник артиллерии Фарель с переводчиком.

Занятия провели, начальство довольно, можно возвращаться к своим повседневным делам. Чем уж мы занимались в подразделениях, не помню, но работы, как всегда хватало. Как в любой воинской части. То занятия с офицерами по артиллерийско-стрелковой подготовке, то по тактике, то по технической подготовке и т.д. Дел хватало по горло. Каждое утро пока готовился завтрак, т.е. разогревались лепешки и что-нибудь к ним, смотрели в окно на радиолокаторы кубинцев. Крутятся или нет. Если нет, то значит все спокойно, самолетов в воздухе нет. Ну, а если крутятся, значит... Ждите «гостей». Надо быть настороже. Вот в одно из воскресений, в конце августа, утром заметил, что все антенны локаторов вертятся, как ужаленные. И почти сразу же, около радиовысотомера, взрыв, но он продолжает работу. Влетаю в свою комнату, хватаю автомат с подсумком, крикнул Степану о налёте и выскочил во двор, с тыльной стороны домика. Там был у нас окоп. Около локатора встает еще один взрыв, и он заваливается на бок. Прислушиваемся, самолетов, вроде, не слышно. Бегом в дом, переодеться. А то в спортивном костюме воевать не очень удобно. Только переоделись и вышли на крыльцо дома, как услышали гул и увидели самолет-штур-

На тактико-строевых занятиях дивизиона 122 мм гаубиц. Слева на право: командир орудия, начальник артиллерии округа Фарель, советник командира дивизиона 122 мм гаубиц Степан Кравец, советник командира дивизиона 76 мм пушек (ЗиС-3) 2 й МПБр Виталий Раков, переводчик. Август 1981 года.

мовик, вынырнувший из распадка между Чибембой и горой Тонго-Тонго. До него не более 400 метров, летчиков видно, и бомбы на внешних подвесках. Начали по нему стрелять из автоматов, а он, как ни в чём ни бывало, набирает высоту с разворотом в право и сбрасывает бомбы. Следом другой, потом третий, четвертый...позиция локалторщиков в дыму.

Стоит сплошной грохот от взрывов, но домики в городке не тронуты. Видя, что нас не трогают, выскочил из окопа и помчался к стрелку-зенитчику со «Стрелой». Степан рванул на позицию батареи, готовить ее ведению

огня. Дивизион подняли по тревоге и за одно позвонили в Вириамбундо, подняв по тревоге дивизион 130. Я прибежал к зенитчику и вижу: «стрела» лежит на ящике, аккумулятор разряжен, а самого стрелка и рядом не видать. Пока искал его пришла машина, и я поехал на позицию локаторов, узнать, не нужна ли помощь. Там все оказалось в порядке, только несколько человек из числа расчетов зенитных пулеметов легко ранено. Остальные находились в бетонных бункерах и не пострадали. Разбит был один локатор из четырех, и один поцарапан, но не сильно, работает. Сожжены две грузовые машины и санитарная. Вот там, на КП, по фотографиям опознали самолеты. Это были «Буканиры»¹³ – двух двигательные тяжелые штурмовики. Вот собственно и весь урон локаторщиков. Зато практически полностью погибла зенитная рота ангольских вооруженных сил, защищавшая локаторы. Оказалось, что этот бомбовой удар предназначался ей. Локаторы остались без защиты. Пока я был на КП локаторщиков, пришли санитарные машины из городка Шианже, в 20 километрах от Чибембы, транспортные машины из дивизиона 122, и раненых солдат ангольцев забрали в лазарет дивизиона. Кубинцы не поехали. Поскольку делать мне там было больше нечего, я вернулся в Чибембу. Эрберт скоро доложил, что сделано по тревоге, где этот беглец, стрелок-зенитчик, как устроены раненые зенитчики и сколько погибших. Погибло 18 человек, ранено 26 из них тяжело то же 18. Рота ПВО не существует. Вся эта кутерьма продолжалась примерно до 14 часов. И снова налет, уже с другой стороны. Я уже ясно опознал самолеты – «Мираж-1». У него характерный

¹³ Буканир – тяжелый реактивный морской штурмовик английского производства. Использовался в качестве бомбардировщика.

острый нос, как у нашего МиГ-23. Отбомбились красиво, и никто им не мешал, некому было. Нашедшийся стрелок-зенитчик выпустил по самолетам ракету, но она не дошла. Разорвалась раньше времени. Очевидная ошибка стрелка. Ракета не захватила цель, самоликвидация. Если бы он не сбежал в первый раз, то наверняка свалил бы одного – двух, тогда ракете сложно было не поймать цель, стрельба, практически, в упор. Упущенная возможность. От радиолокационной роты остались только пулеметы ДШК и три грузовика. Остальное все было разбито. Люди не пострадали, а локаторов больше нет. Пока приходили в себя, помогали раненым, день закончился. Сидим со Степаном, гадаем. Прилетят или нет? По закону, вроде как, должны. А если они, буры, ленивые? На всякий случай Эрберту советуем опустить на окна светомаскировку. На всякий случай. Хотя это элементарно. Часов в 20 наше ожидание увенчалось успехом, прилетели. И опять на локаторщиков, которых там уже не было. С наступлением темноты, они уехали на оставшихся машинах и машинах дивизиона 122, за Чибембу, в тыл, в Рио-де-Арею. Вероятно этот момент наблюдатель буров, а такой был наверняка, прозевал. Так что лупили они по, практически, пустому месту. Наблюдал я этот фейерверк из окопа, недалеко от нашего домика. Лучше спрятаться, на всякий случай. И не ошибся. Самолеты заходили на бомбежку с включенными навигационными огнями и два последних огонька пошли прямёхонько в нашу сторону. Рвануло здорово! И никого не зацепило! Бомбы легли на поляну за забором, метрах в 50 от нас. Даже стекла не побил. На этом налет кончился. Можно перекурить. Подводим итоги дня. Налетов 4. Первый наверняка противорадиолокационными ракетами, остальные бомбами с установкой на осколочное действие. Воронки очень маленькие, и это на песке.

Кусты и ветви деревьев посечены. Погибло 18 человек из орудийных расчётов ПВО. Ранено 26. Много тяжелых, которые могут не выжить. Батареи ПВО не существует, роты локаторов тоже. Предупреждать пехотные бригады округа о взлетевших самолётах больше некому. Следует теперь ждать нападения на бригады. Вот, примерно, такого содержания донесение было отправлено в округ этой же ночью. Этой же ночью мимо нас проехали машины с женами советников из Каамы. Их решили отправить подальше от войны. Таким вот закончился для меня первый день большой операции буров на юге Анголы. Таким запомнился. Следующий день начался с запаха гари. Горели подожженные кунги разбитых локаторов, кроме того, что лежал на боку. Кто поджег не ясно, зачем – понятно. Но, по словам командира роты, восстановлению ни один не подлежал. Разбиты были качественно. Может быть, их сожгли сами кубинцы, чтоб не возиться, а возможно и командос буров. Тем более, что за несколько дней до этих событий, локаторы засекли вертушки там, где их не должно было быть, а ангольские вертолеты из Лубанго не вылетали. И эти неизвестные вертушки были не очень далеко от Чибембы, заставив нас поволноваться. И именно там, куда были нацелены орудия батареи 122мм гаубиц. Но ночь, ничего не видно, а к утру вертушки ушли. И место их посадки обнаружено не было. В округ было доложено, но.... Разведку не посылали. Возможности у нас, в дивизионах, не было.

На следующий день никаких налетов, но ситуация не понятная. Из округа никаких указаний. Только к вечеру поступила команда на выдвигание дивизиона 122мм гаубиц в Кааму, в распоряжение командира бригады. Дивизион Эрберта оставил тылы в Чибембе и двинулся на позиции в Кааму. Степан Кравец, естественно с ним. Иначе

и быть не могло. Советник со своим подсоветным. Я уехал в свой дивизион, так как оставаться одному в городке смысла не было, а в Вириамбундо каждый день пришлось бы гонять машину. Начали с Ранжелом готовить дивизион к маршу в Кааму, загружаться по полной, с расчетом, что вернемся не скоро, если вернемся.... Информации за целый день из округа не поступало никакой. Пользовались только рассказами нескольких человек уехавших из Шангонго. О советниках из 19 бригады не было известно ничего, и о бригаде тоже. В таких условиях мы с Ранжелом и Долизи прикинули, что нас пошлют на поддержку 2й МПБр в Кааму. И соответственно готовились. В Кааму, к начальнику артиллерии бригады, отправили начальника разведки дивизиона с несколькими разведчиками, на всякий случай. А из округа по-прежнему никаких указаний и никакой информации. Поздно вечером пришел приказ на выдвижение и занятие позиций в Кааме. Двинулись в путь с соблюдением правил светомаскировки. И вот здесь дивизион подстерегала беда. Совсем не далеко по шоссе, за Рио-де-Ареей, есть два бетонных мостика через пересохшие русла речушек. В дождливый сезон там бурные реки, а сейчас сухо. Вот в один из мостиков и не вписался по центру моста «КраЗ» с орудием. Машина снесла правое ограждение моста и как ехала, так и перевернулась колесами вверх. Как результат, двое погибших, придавило ящиками со снарядами, несколько раненых, ушибы, вывихи, переломы. И занозы от деревянных снаряжных ящиков. Около десятка ящиков разбито, снаряды вывалились, порох из гильз рассыпан по земле вокруг кузова машины. У машины смята кабина и борта кузова, у орудия снесено щитовое ограждение и погнут кронштейн механического прицела. Все это я уже увидел, приехав к месту катастрофы. Я ехал в голове колонны дивизиона и в зеркало за-

днего вида заметил, что мало машин сзади, хотя проехали от силы километров 10–12 и только набрали маршевую скорость. Пришлось остановить колонну и подождать отставших, но машины не подходили. Тогда Ранжел развернул свою машину и отправился подгонять. Ждем 10 минут, 20. Никто не едет. Пришлось самому двигаться в обратную сторону. То, что увидел, я уже описал выше. Но вот что меня удивило, так это то, что Ранжел совсем забыл, куда и зачем движется дивизион. Все внимание он сосредоточил на помощи пострадавшим и попыткам вытащить погибших. Это, конечно, очень благородно и человечно, но воинская часть, получившая приказ, ждать не может. Пришлось вмешаться и напомнить о задаче. На месте уже работали медик, автомобилист, вооруженец и зам по тылу со своими командами и средствами. Остальную колонну нужно было двигать вперед. Впереди еще почти 90 километров и мы не знали, какие они в смысле безопасности. Наконец колонна двинулась, и марш продолжился. Уже перед рассветом дивизион прибыл в Кааму, и вошел в тыловой район 2-й бригады. Укрыли машины под деревьями, забросали ветками и выставили охранение. Я и Ранжел направились к шоссе, там, на обочине стояло несколько машин из округа, обогнавших колонну дивизиона. Оказалось, что это советник комиссара округа Молотай Сергей Иосифович, разведчик Саша и еще кто-то. А рядом с ними начальник разведки дивизиона, встречавший нашу колонну. Он только подъехал и еще не видел укрытый дивизион. Ранжелу он вручил приказ на развертывание батарей на позициях у футбольного поля, наблюдательного пункта в районе в 1,5 километрах по шоссе за Каамой, а самому прибыть на КП бригады. Я поздоровался с товарищами и поинтересовался последними новостями. Новости оказались хуже некуда. 19 бригада в Шангонго больше не су-

ществует, о советниках известий нет. 11 бригада в Нживе сообщила, что окружена, но продолжает сопротивление. Говорят, что советник командующего округа послал во Нживу, советникам бригады, телеграмму с требованием сопротивляться до последнего, в плен не сдаваться. Но я этой телеграммы никогда не видел и аналогичной нам, в Кааме, не зачитывали. Но это отступление от повествования. А дивизион тем временем двинулся на развертывание боевых порядков. Когда сворачивали с шоссе вправо, над нами на низкой высоте проскочил «Мираж» буров. Думаю, он нас не заметил. Иначе точно атаковал бы. Развернулись мы довольно быстро и изготовились к ведению огня. Ну, а пока команда на открытие огня не поступила, занялись проблемой инженерного оборудования позиций. Людей и снаряды ведь надо укрыть от обстрела, да и технику, по возможности. А земля ссохшаяся, как бетон. Пока вырыли хоть какие укрытия, расчеты были измучены. Но жить то охота. Сделали. В это время мы с Ранжелом получали боевую задачу на КП бригады. Приказывал комбриг, Фарушко, а рядом с ним был советник начальника штаба бригады Слава Гловяк. Нового старшего группы пока не прислали. Там же был и советник начальника артиллерии бригады, мой тезка, почти полный. Получили задачу подготовить сосредоточенные огни по трем направлениям возможного наступления буров и несколько заградительных огней перед передним краем обороны бригады. Комбриг уточнил, где должен быть НП дивизиона, какую и куда протянуть связь, у кого получить радиоданные. Ну, и все такое специфически военное. Слава Гловяк сказал мне, что пока не принято решения, где должны находиться все советники. То ли все вместе, то ли по подразделениям. Я высказался за то, чтобы все были вместе. Он был того же мнения. Но пока решения нет, ждем-с. Получив боевую задачу, мы с

Ранжелом выдвинулись в район наблюдательного пункта, определили, где он должен быть. Проехали чуть вперед, осмотреть местность. Там уже наших войск не было, только засады. Признаков приближающегося противника мы не обнаружили и решили, пока есть время, оборудовать один НП, как и должно быть, в земле, а второй на большом дереве, спилив некоторые мешающие ветви. Определили, как могли, свои координаты, связались по радио со штабом дивизиона и со штабом бригады, Ранжел отдал распоряжение на оборудование позиции, составление необходимой документации и определил время готовности к боевой работе. После всего этого мы уехали на огневые позиции. Там работа кипела во всю! Укрытия для личного состава и боеприпасов были уже готовы, орудия приведены к бою и замаскированы. «КрАЗ»-ы отогнали глубже под большие деревья и, как могли, закрыли ветвями. Пришел командир хозяйственного взвода и доложил, что обед уже готов и можно кормить людей. Нам тоже не мешало что-либо съесть. Пришли телефонисты из бригады, теперь с КП бригады есть и проводная связь. Пока расчеты орудий обедали, офицеры подготовили исходные данные для стрельбы по всем намеченным целям. Осталось только навести орудия, как и полагается, в ближайший участок заградительного огня.

Через несколько минут дивизион был полностью готов к ведению огня, практически в любую сторону. Все батареи были также готовы вести огонь прямой наводкой по возможным целям перед собой, на футбольном, или как его там, поле. А поле было большое и очень удобное для посадки вертушек с десантом, и находилось в тылу бригады, правда, несколько далековато. Так что дивизион и его прикрыл. А за дивизионом в лесу на горке стоял локатор и батарея ПВО, так что и с этой стороны был по-

рядок. Ранжел и я пообедали и уехали на свой НП. Там работа тоже подходила к концу. НП на дереве уже был сделан, и туда поставили обычную стереотрубу образца 193.... какого-то года, старый, но надежный прибор. В общем и целом все было готово. Нужно было только уточнить координаты пунктов и позиций, но это уже на следующий день, сейчас уже темно. День прошел, дивизион на позициях в Кааме, а советники все собрались в домиках городка. Обменялись мнениями о настоящем и предстоящем, проговорили вопросы, которые надо было решить, и... отправились на боковую.

Ночь прошла спокойно, никаких самолетов, никаких обстрелов. Только неизвестна судьба товарищей из южных бригад. В Кааме появились беженцы из Шангонго и, одиночные пока, солдаты 19 бригады. Всех их задерживают и опрашивают. Картина выявляется не радостная. 19 бригада, похоже, полностью разбита, командир бригады Кибету погиб, о советниках ничего никто не знает. Прошел еще один день, каждый занимался своими делами в подразделениях, а вечером собрались опять в домиках. Да, совсем забыл, к вечеру на позиции прибыл зам по тылу, а с ним и те, кто оставался эвакуировать раненых и погибших при катастрофе. Раненые в госпитале, погибшие похоронены. Тягач и орудие перевернули, и они своим ходом дошли до Вириамбундо. Снаряды и рассыпавшиеся заряды собрали и отвезли на склад дивизиона, их проверяют на пригодность. Рассыпавшийся порох сожжен. Орудие будет в ремонте примерно две недели, «КрАЗ» столько же. Это уже хорошие новости. А ночью буры преподнесли подарок. Проснулись от грохота взрывов. Кто в чем был, но все в ботинках, выскочили из домиков и в убежища. Но следующих взрывов не последовало, только запах, как бы, хлорный, начал рас-

пространяться. Быстро в домики, одеться и к машинам. Подъехали к домику Фарушко, он тоже ночевал в своем доме. Переговорили и решили, что советники едут в тыловой район, к колодцу, а он едет на КП и там ждет Славу Гловяка. Проезжаем по Кааме и тут понимаем, что бомбовой удар нанесен по такому же домику, как и наш, но с другой стороны городка. А в этом доме был медпункт и склад медикаментов. Отсюда и запах хлора. Теперь нам ломать голову – ошибка это летчика или нет? Дома-то одинаковые, только с разных концов городка.

Этот день начался с ночной атаки самолета. Днем несколько раз прилетали самолеты, но не атаковывали, а уходили на юг. К обеду с КП бригады приехал Слава Гловяк и переводчик Сережа Шкариненко. Привезли распоряжение Шишканова. Всем находиться вместе, перейти в запасный район 2й бригады. Новости такие: 19 бригада в Шангонго погибла точно, погиб комбриг, танковая рота захвачена целой и исправной, оказывается, танки были без аккумуляторов и без воздушных баллонов, для аварийного старта дизелей. Выдвинутый вперед батальон с артиллерийской батареей был обойден и буры без помех заняли Шангонго. Остатки бригады спасались, кто как мог. Советники перешли мост, а дальше их никто не видел. Есть надежда, что они выйдут на позиции 2й бригады, в Кааму. Об 11 бригаде во Нживе известий никаких, об их советниках тоже. Переезд в новый район меня не очень устраивал, поскольку это было уже далеко от дивизиона, но и оставаться в дивизионе тоже было нельзя. Нарушался приказ старшего группы советников 5 ВО. Переехали в новый район. И вот туда начали выходить солдаты и офицеры 19 бригады. Очень изможденные, некоторые ранены и все голодные. Они подтвердили уже имевшуюся у нас информацию о бригаде и советниках. Ждали советников

со дня на день, поскольку имелись сведения, что у них потерь не было, и дети были целы. И их видели не очень далеко от Каамы. Но они, якобы, идут пешком, машину бросили.

Так прошел еще один день. Устроились в районе без удобств, но вполне терпимо.

К нам даже гости приехали. Николай – специалист по ремонту средств связи, со своей летучкой, естественно Саша – разведчик и еще кто-то, не помню. В общем, в районе стало весело и шумно.

В один из дней я уехал на позиции дивизиона и когда вечером вернулся, то мне сказали, что только что отправили в Лубанго советников 19 бригады, с детишками и женами. Вышли все, только пить и есть хотели. Похудели сильно, устали, но в целом вид довольно бодрый. Они и рассказали как, когда и что происходило. Фактически бригада просто разбежалась при первых выстрелах броневиков буров. Сами советники уходили по мосту через Кунене уже под автоматным и пулеметным обстрелом. Проскочили мост и сразу же свернули вправо, в саванну. По шоссе ехать остереглись. Во-первых, самолеты, а во-вторых, не известно, прошли буры по шоссе, или нет. Как потом стало известно, прошли, и были в 20–30 километрах от Каамы. Ну а ребята пошли по саванне и тем спаслись. Детей несли на руках или везли в машине. В католическом госпитале, недалеко от Шангонго, им помогли и подсказали окольную дорогу на Кааму. Вот по ней и выехали в тылы 2й бригады. А вместе с собой вывели и почти сотню солдат 19 бригады. Народу в тыловом районе прибывало. Прибывших опрашивали и отправляли в Вириамбундо, на формирование новой 19 бригады. И вот однажды, когда мы уже пообедали в столовой, у нас появилась кухня и повара, и перекуривали в тени навеса, раздалась трескотня зениток

Тыловой район бригады. Обед.

*Слева на право: Леша Степаненко, Женя – артиллерист, Слава Гловяк.
Стоят: Иван – зам по тылу, Николай – специалист по ремонту средств
связи из округа.*

и частые взрывы. Взрывы приближались. Ласточкой ныряем в окопы. Очередь НУРС, не управляемых реактивных снарядов, прошла рядом. А окоп мелкий, я перепрыгнул в соседний, глубокий. И вот когда уже нырял в него то взрывной волной меня перевернуло и стукнуло спиной о стенку окопа, а она как бетон. Сильно приложило. Но ничего, живой. Кто еще был в этом окопе, не помню, кажется, Степан. И еще один был человек, наш охранник. Он все время пытался выскочить из окопа и куда-то бежать. И говорил: «ассессор, бежать надо». Пришлось его прижать к земле, чтоб не дергался. Обошлось. Остался живой, хотя таких, как он, желавших бежать, было достаточно. Кончили печально. Потерь было много. И, самое главное, разбит склад боеприпасов, прямым попаданием. А там были гра-

Это во время разлета реактивных снарядов. Справа Степаненко Леша, Николай-связист и охранник, пытавшийся бежать из окопа. А ниже Я, в том же укрытии, в то же время.

наты и снаряды для БМ-21 «Град», и танковые боеприпасы. То, что могло взорваться, взорвалось и периодически исправно взрывалось далее. А вот снаряды к БМ устроили целый фейерверк. Хорошо летали! И в разные стороны.

Ну, налет пережили, все, что должно было взорваться – взорвалось и разлетелось. Нужно искать наших. Кто, где? Не нужна ли помощь? Выбрались из укрытия и – чудо, никого в районе нет. Коля говорит – «я так играть не буду и уезжаю домой. В Лубанго. Работы тут нет, а голову потерять – запросто!». И уехал. Решили мы с Алексеем посмотреть, что со складом. Посмотрели – горелая поляна. И тротилом воняет! Пить охота, а все баки питьевые разбиты. Вернулись к своим укрытиям, взяли свои рюкзаки и двинулись в сторону КП бригады, в надежде, что будет попутка или найдем питьевую воду. Воду действительно нашли, хорошую. Наполнили фляги, и жизнь показалась веселей. Осталось найти машину. Дошли до шоссе на Кааму. Ни одной машины! Ни туда, ни оттуда, пусто. Только по обочине идет цепочка черненьких солдат, и в нашу сторону. Решили перейти шоссе и устроиться на полянке, на бревнышке посидеть и покурить. Подождать ребяток и посмотреть, кто такие. Ждали достаточно долго. Наконец они появились. С первого взгляда было понятно, что это не чужаки. Слишком растерянный и испуганный вид. Спрашиваем, почему долго шли? Отвечают, что боялись, а вдруг вы, т.е. мы с Лешей, южноафриканцы. А автоматы, почему убрали за спину? А мы вас узнали! На Алексея – ты советник нашего батальона, а ты, на меня, советник больших пушек. Ну, что Алексея знают понятно, но откуда знают меня? В бригаде я человек совершенно новый, и знали меня только несколько людей. Меня это насторожило, и я предложил Леше забрать их с собой на КП. Направили их вперед, а сами пошли следом. Шли часа полтора, все-

Все улыбаются, как будто и нет войны. На переднем плане Ранжел, командир адн 130. А вот это наша связь и brave дежурный радист, все это в другом углу НП.

Долизи после ночного дежурства. Мое место уже свободно.

таки далеко район от КП. По дороге нашли кучу медикаментов, в том числе и полезных для нас, сваленных в кучу на землю. Как из самосвала. Набрали себе перевязочных средств, мази от комаров, еще что-то полезное, и двинулись дальше. Пришли на КП, а там уже все наши, собираются нас ехать искать. Сказали им, что мы с Лешей думаем по этому поводу. Показали Фарушко приведенных солдат. Их тот час же забрала безопасность, и я никого больше не видел. Рассказали про медикаменты, комбриг не поверил. Пришлось пригласить проехаться, чтоб убедился. Что он потом говорил своим медикам не известно. Думаю, что приятного мало. Мужик был резкий.

К вечеру стали с ребятами решать, где же нам все-таки жить. То ли в районе, то ли около КП. Решили, что около КП как-то надежнее. Частично КП был перекрыт литым бетоном, не блоками, и добежать до него – всего ничего. Выбрали место под развесистым деревом, выкопали щель на всех, нашли матрасы, одеяла, и улеглись, выставив охрану, спать. Несколько дней прожили под деревом, и опять налет. Но не непосредственно на КП, а около. Но бак с питьевой водой разбило. А пить хочется, но перетерпели до вечера, и напились от пуза. В один из дней пришла информация, что 11 бригада разбита полностью, некоторые советники погибли, и женщины тоже, кто-то попал в плен к бурам. И, якобы, буры концентрируют войска около Каамы. Я уехал на НП дивизиона.

Просмотрели с Ранжелом внимательно весь горизонт в дальномер, забрались на свое дерево. Признаков присутствия противника обнаружено не было, не видно даже пыли над проселочными дорогами и тропами. А ведь сухой сезон еще, земля сухая, пыль от малейшего дуновения ветерка. А раз пыли нет, значит, и присутствия больших масс войск нет. Закон природы. Не могут же буры на

танках и БТР по воздуху летать. А двигаться по-другому они не умеют. Пыль должна быть. Только слезли с дерева и забрались под крышу укрытия, как услышали нарастающий гул. И сразу же разрывы от НУРСов, треск зениток. И все это в стороне огневых позиций дивизиона. С огневых докладывают, что взрывы от НУРС на поле и среди окраинных хижин Каамы, орудия готовы к ведению огня. С правой стороны, чуть выше уровня НП проходят вертолеты буров. Впереди легкий «Алуэт», а за ним несколько транспортно-боевых «Пум». Направление – в сторону огневых. Предупреждаем штаб дивизиона о готовности к отражению атаки десанта. Ну, и доложили в штаб бригады о возможном десанте и предполагаемом месте его высадки. Очень странно, но средства ПВО бригады по вертолетам огонь не вели, только по атаковавшим самолетам. А ведь вертолеты прошли прямо над позицией танковой роты, а там ДШКМ (12,7мм зенитный пулемет) на каждом танке. И рядом позиция роты ПВО. И высота пролета вертушек не более 100 метров! Самолеты изображают атаку на позиции батальона, перекрывавшего шоссе на въезде в Кааму с юго-востока, но огня не открывают. И средства ПВО молчат. Вертушки пролетели и... скрылись в сторону юга. По темноте поехали с Ранжелом на огневые позиции. Слева от шоссе, на окраине Каамы, светятся красные углы от сгоревших заборов и хижин. Страшная картина. На позициях порядок, маскировка не нарушена. У орудий постоянно находятся дежурные номера и один полный оружейный расчет от батареи. Обошли все позиции. Как могли, поговорили с солдатами и офицерами. И у всех один вопрос – почему не стреляли зенитки? Что Ранжел и я могли ответить, сами в недоумении. Если бы вертолеты сели на поле, то орудия дивизиона открыли бы огонь, а раз они пролетели мимо, то зачем сотрясать воздух? Видимо этими или

другими какими соображениями руководствовались и зенитчики. Бомбят по пустому месту. А летят мимо, ну и... пусть летят. Штаб бригады передал на позиции дивизиона сигнал отбоя воздушной тревоги.

Я остался на огневых позициях дивизиона, а Ранжел уехал на наблюдательный пункт. Что бы там штаб бригады не выдумывал, а ответственность за юго-восточное направление все-таки на дивизионе и батальоне Леши Степаненко. Он был рядом с Ранжелом. Начштаба Долизи установил порядок дежурства, и на позициях все успокоилось. Утром я увидел вот такую картину:

Кстати, ранее приведенные, снимки были сделаны на НП минут за тридцать-сорок до налета. Потом улыбки исчезли. После этого налета опять наступило некоторое затишье, во время которого советники занимались каждый своим делом. На бригаду никто не наступал, да и разведка докладывала, что противника рядом нет. Но, ангольской разведке мы, советники, не очень доверяли. И вздохнули с некоторым облегчением, когда не далеко от КП обосновалась кубинская рота глубинной разведки. Я был у них только один раз для согласования с ними своих, артиллерийских вопросов. А именно, возможности корректировки огня разведгруппами. Взаимопонимание было достигнуто полное. И, как ни странно, вызвало возражения командира бригады Фарушко. Он считал, что дивизион 130 не должен открывать огонь по заявкам разведчиков, а только по его команде. Славе Гловяку еле удалось убедить упрямого комбрига в необходимости такого шага. К счастью таких заявок от разведчиков не поступало. Умели кубинцы работать тихо! В один из дней Слава Гловяк объявил, что из штаба округа получено распоряжение для советников. Прибыть в Лубанго на сборы. Ну, прибыть – значит прибыть.

По темноте грузимся в машины, а группе добавили еще одну машину – «ландровер-пикап», и отправляемся в округ. Приехали, ребят встретили, отправленные ранее в округ, жены. И ...вышедшие из окружения советники из Шангонго и Нживы. Так я узнал, что ранена Наташа Сытенко, касательное ранение спины, погибли Иосиф Важник, Женя Киреев и его жена Лида, Галя (Ядвига) Пестрецова. Сам Коля Пестрецов попал в плен к бурам, и, якобы, они считают его советским разведчиком – спецназовцем. Нам рассказали очевидцы где, как и что происходило. Что меня удивило, то это отсутствие некоторых советников. Жены были, а мужей нет. Наташа Сытенко есть, а Володи нет. Или наоборот: Алексей Худоерко есть, а жены, кажется Тани, нет. Нет в Лубанго и старшего группы Жибуржицкого и его переводчика. Люди либо уходили от вопросов, либо отмалчивались. Совершенно ясно было, что во Нживе что-то происходило, кроме гибели советников, но об этом не хотят говорить. Допытываться и приставать с расспросами не хотелось, да и привычки приставать к людям не имею. Тем более, что прошла информация, что Кааму сильно бомбят и бригада отбивает атаку буров. Не знаю, кто как, а я волновался за своих подопечных. Сделают ли все правильно? Выстоят ли? И очень жалел, что меня не было рядом. День прошел в тревогах и волнении. К вечеру из штаба сообщили, что бригада выстояла, и артиллерия была на высоте. И, якобы, буры понесли довольно существенные потери. Следующий день прошел уже спокойнее. Шулаков собрал всех советников – артиллеристов округа в штабе артиллерии, и поэтому мы получали информацию из первых рук. А было-то нас всего 4 человека. Где были Толя Чередник, Борис Иванович и Володя Сытенко, я не знаю, но только не в Лубанго. Там же узнали, что в округ срочно, самолетами, перебрасываются две лег-

ко-пехотные бригады из центральных округов. Они встанут во втором эшелоне 2-й бригады. Что в Вириамбундо будет заново формироваться 19-я пехотная бригада. И еще новость, к нам в округ приехал писатель Александр Проханов, и вечером он будет выступать на крыше дома советников. Там прохладнее, чем в зале, да и мест больше. Вечером, после ужина у Шулакова, собрались на крыше. Я сидел во втором ряду, около прохода, и когда Проханов прошел к столу, то после него явственно почувствовался коньячный шлейф. Ну, кто же у нас в такой обстановке не употребляет? Дело совершенно ясное и понятное.

Выступал он интересно, хотя сразу оговорился, что он специалист по Афганистану, и с реалиями Анголы не знаком, но кто знает....

Несколько месяцев спустя, мне попалась заметка в «Комсомольской правде» подписанная А.Прохановым – «Я видел, как горела саванна!». Где он мог ее, горящую, увидеть? Если мы, советники, жившие в этой саванне, ее горящей не видели! И еще бежавших от огня и взрывов слонов и прочую живность. Воистину богатое воображение! После этой заметки, я перестал воспринимать Проханова как журналиста, объективного журналиста. Хотя его книга, «Дерево в центре Кабула», произвела на меня довольно сильное впечатление. Но это уже будет позже, когда я вернулся из Африки.

Прошел еще один день, и вся толпа стала собираться в обратный путь, в Кааму. Угрозы, вроде, больше нет, буры ушли, бригада выстояла, и советники могут вернуться. Нашего полку прибыло, в бригаду назначен советником командира батальона Толя Познахирко, из погибшей 11-й бригады, новый советник командира бригады – Николай, и советник командира танкового батальона Геннадий. Вот таким, увеличившимся, составом и приехали в Кааму. И

сразу под дерево, от греха подальше. Если честно, то для меня возвращение в Кааму было не совсем приятным. Ранжел и особенно Долизи смотрели на меня косо, как же, бросил их и удрал от боя.

Как только смог, постарался переубедить их, что это не трусость, а выполнение приказа командира. И если бы смог, то остался бы и был с ними в те минуты. Вроде убедил, и они поняли, но командиры батарей смотрели искоса, и прошло еще достаточно времени, чтоб снова восстановить свой авторитет в их глазах. Пришлось мне, временно, перебраться жить в дивизион, не смотря на прямой приказ Шишканова жить всем вместе. Но так было нужно. Тем более, что дивизион сменил огневые позиции, за реку, ближе к уже танковому батальону. Начало приезжать всякое начальство окружное, осматривать, советовать. По совету Шулакова, а точнее, по прямому его приказу теперь каждая батарея дивизиона была наведена в свое основное направление. И так в каждом артиллерийском дивизионе, стоявшем в Кааме. Получалось, по идее Шулакова, что на каждом вероятном направлении движения супостата теперь сосредоточен огонь трех батарей разного калибра. Идея очень понравилась командующему округу и командиру бригады Фарушко. А как быть с задачей борьбы с артиллерией противника, для которой, в основном, и предназначен дивизион? Как быть с сосредоточением огня на больших дистанциях, по вертолетам на площадках, по районам сосредоточения войск? Ответ меня, честно говоря, возмутил и заставил гордиться собой. «Справишься!» И еще против одного нововведения Шулакова я не смог устоять. Приказ!

Левифланговую, третью, батарею разместили так, чтоб она могла стрелять по вероятным танкам противника полупрямой наводкой, на расстояние 4–4,5 километров

прямой видимости, по склону возвышенности перед Каамой. Толку от такой стрельбы 0, но зато 130! Это калибр!

Переубедить Шулакова не удалось. Приказ и все! Выполнили.... Тем временем вокруг все тихо, как будто и войны нет. Стали подумывать перебраться обратно в домики, они ведь целы. И вообще в городке разрушений нет. Что же, интересно, бомбили самолеты буров несколько дней назад, и кто атаковал бригаду? Оказывается, бомбили боевые порядки батальонов, но потерь нет, разрушенных позиций тоже нет. Бомбили осколочными, так называемыми фрагментными, бомбами. Они воронок не оставляют, секут все вокруг осколками по высоте, примерно, метр. А куда же стреляли? А по всем целям, которые заранее определили и по которым подготовили данные для стрельбы. Но враг-то подходил? Да подходил, разведчики видели, и они вызывали огонь батарей. А Ранжел, ты видел? Так, кое-что.... Становится понятно, что подходила разведка буров, пыталась подойти к бригаде, причем попытки были с трех направлений. И была отогнана. Крупных сил не было. Что ж будем ждать следующей атаки. Для себя я решил, что ни при каких условиях больше из дивизиона не уеду. Только при замене. Репутация дороже.

В один из дней Фарушко, на КП, предупредил всех советников, чтобы не разъезжались по подразделениям, а собирались в городок, в штаб бригады, на большое совещание. Прибудет, мол, высокое начальство. Приехали в городок, а там, оказывается, приехал, и уже находится в штабе бригады Главный Военный Советник в Анголе генерал Шахнович. С ним еще несколько генералов из Москвы. Приехали разбираться, что произошло. Домик штаба оцепили, машины стоят открыто, в том числе машина главного, кажется «тойота». Прямо пикник! А советников-то, советников! Стольких и в округе нет. Кроме наших, из бригад округа, и то не всех, еще

из каких-то бригад. Все мы топчемся перед домиком штаба. А в штабе, как я понял, идет заслушивание советников командиров бригад. Хотя откуда они взяли окружных-то? Их то всего два, и из них один новенький, еще не в курсе. Наконец пригласили заходить в зал, для беседы с московским генералом. С начала нас распекали за то, что не удержали.... Потом нам сказали, что нашими силами юг Анголы будет освобожден! Вон, ведь, какие мы молодцы! И вообще у нас тут прямо-таки курортная обстановка, какие там самолеты и обстрелы! Выдав все это, приезжее начальство, наконец, соизволило поинтересоваться нашим мнением, в основном, что нам нужно для победы. Помнится, Слава Гловяк сказал о необходимости усиления ПВО бригад более современными, по сравнению с имеющимися, средствами борьбы. Ему резонно возразили: « Вам что ж, еще и наши расчеты прислать вдобавок? Справляйтесь сами». Больше ни у кого не появилось желания высказываться. Я попросил слова и развил мысль Славы, заявив, что пусть наши, пусть на пару-тройку месяцев, но чтоб завалили нескольких летунов. Гарантия, что летать, как минимум, полгода, не будут. В Шангонго, в 1980 году, сбили одного, так три месяца не летали. И еще, на фронтах Отечественной войны части и подразделения периодически отводились в тыл, хотя бы помыться, избавиться от вшей. А у нас, как встали в оборону, так и все. Никаких смен и отводов в тыл. А люди по разному реагируют на сложную обстановку, могут быть нервные срывы. И еще, длительное пребывание в такой сложной обстановке, без отдыха, не способствует качественному выполнению своих обязанностей. Вот такое, примерно, выступление начальство восприняло негативно. Мне было заявлено, что если бы меня, персонально, не знали, то подумали бы, что выступает трус и паникер, боящийся сложностей. После таких слов, мне было уже все равно, кто еще выступал и что говорил. Я просто

понял, что принял, ранее, правильное решение оставаться с дивизионом при любых обстоятельствах. Остальное, для меня, было совершенно не важным. Что там было еще, плохо помню, кажется, на этом собрание закончилось. Главный быстренько на «тойоте» смотался, за ним все остальные, ну а бригадные снова в саванну, под дерево. Помнится, что это событие мы не обсуждали, все и так было ясно. Через день или два мы со Степаном отпросились поехать в городок, в домики, помыться и постирать одежду. Степан взял в своем дивизионе машину, и мы поехали. Время было после обеда, ближе к вечеру. Приехали, помылись теплой, нагретой на солнце водой, простирали одежду и повесили сушиться на солнышко. Так пробыли в домике до самого заката и даже чуть позднее. Возвращались под дерево в густых сумерках. Еще дорогу видно, но через пять-десять минут будет темно. В общем, удачно. Доложили старшему, что приехали, и я пошел на КП дивизиона, благо, что было близко. Переговорил с Долизи о мероприятиях на следующий день и пошел спать. Разбудил меня сигнал воздушной тревоги. Выскочил в окоп. В Кааме взрывы и дым. А над городком, таким красивым ромбиком, уходит на солнце группа самолетов. Потом такой же второй заход, и все.... Кааму разбили.

Впечатление было такое, что нас со Степаном видели и решили, что советники будут ночевать.

Ну, не конкретно мы, а советники вообще. Других-то не видели, видели только нас, а вот как мы уехали, кто-то проморгал. Результат – удар по пустому месту. Но городок пострадал. Этот налет навел меня на мысль о подготовке ложных огневых позиций для дивизиона. И на необходимость смены огневых позиций после каждой стрельбы. Таких позиций было подготовлено, если мне не изменяет память, всего пять. Они были оборудованы, как и настоящие, ими мы пользовались, но на одной ставили примитивные

Домик артиллеристов, домик зам по тылу, водонапорная башня, домик ремонтников АТТ.

*Домик советника командира бригады.
Крыши половина, окон и дверей нет.*

Домик советников командиров батальонов. С фасада и с тыла.

макеты орудий, несколько бревен, изображавших ствол и станины, и небрежно замаскированные. Больше одной такой позиции делать было нельзя, подозрительно. Вот на одной из позиций, на окраине Каамы, у сгоревшего локатора, Долизи и я нашли огромные кошачьи следы. Нам стало ясно, что занимать здесь позицию не стоит. Солдатики будут бояться львов больше, чем неприятеля. Здесь поставили бревна, и больше эту позицию не посещали. Выбрали другую, на замену. Интересно, что охотник, Ранжел, осмотрев следы, определил, что тут побывал не один лев, а прайд. Это было для всех на КП бригады неожиданной новостью. До этого времени львы так близко к Кааме не подходили. Что-то их пугало в саванне.

Прошло еще немного времени и опять воздушная тревога, с утра пораньше. Прислушались, самолеты слышны, но вроде далеко. Поскорее собрались и бегом под прикрытие бетона, на КП.

И как будто угадали. Взрывы постепенно стали приближаться. Я просто физически чувствовал, как они ложатся все ближе и ближе к КП. Причем взрывы тяжелые. Постарались вжаться в простенки между помещениями, больше надежды, что не обрушится при попадании. Разрывы рядом, попадания нет, проходят чуть дальше и прекращаются. Звонят телефоны, Фарушко кричит, «советникам в машину и на реку», начальнику разведки взять БТР-40 и сопровождать, потом вернуться. С нами в этот день были операторы португальского телевидения, ночевали на КП бригады. И как только начался налет, камеры в руки и на выход, на съемку. Отважные ребята. Ну, выскакиваем из блиндажа, а вокруг трескотня от рвущихся патронов – горит ГАЗ-66 с боеприпасами к автоматам и зенитным установкам ЗГУ-1 (14, 5 мм.), горит в капонири бензовоз, рядом с ним УАЗ старшего – решето. Остался у дерева только «лан-

дровер», бегом к нему. Кто в кузов ровера, кто в БТР разведчика, но загрузились и дёру. Отъехали достаточно далеко, но и не так уж, чтобы совсем, километра два. Высадились на берегу реки, машину в кусты, сами тоже под деревья. А налет продолжался. Прошел примерно час, вернулся разведчик бригады и сообщил, что все в порядке, потерь особых нет, но командир Фарушко считает, что советникам лучше еще немного подождать в затишке, не торопиться с возвращением. Устроились обедать, даже суп соорудили. Жене – артиллеристу, моему тезке, показалось, что перцу малость не хватает. Не проблема! На кусте растет! Рядом! Бери и пользуйся! Оторвал пару маленьких перчинок и в котелок. И всё...пожар! Еле-еле прополоскал рот водой. Оказалось, что это перец «жиндунгу», так зовут его местные. Им можно только чуть-чуть пополоскать в тарелке, настолько он острый. А тезка не полоскал, а положил целых два. Ну, посмеялись, конечно. И с собой перчику нарвали, про запас. К вечеру возвратились на КП. Фарушко занят, у него кто-то из бригады СВАПО, С трудом понимаю, о чем идет речь, смесь португальского с английским.

Оказывается, войска буров рядом и сваповцы с ними уже дерутся. А налеты авиации это предшественники наземных ударов. То есть обстановка сложная и тяжелая для бригады. А у бригады нет связи с округом, повреждена радиостанция во время налета. Старший принимает решение послать с донесением в округ советника комиссара бригады и дать ему двух человек в сопровождение. Виктор Петрович, Леша Степаненко и Виталик Раков собираются на выезд. Фарушко дает машину ГАЗ-66. Поздно вечером ребята уезжают. А ночью нас будят и передают приказ оставшимся советникам немедленно прибыть в Лубанго. Приказ пришел через кубинцев. Собрались, но на чем ехать? Оказывается, наше «решето» вполне боеспособно. Двигается, и

довольно шустро. Загрузились, выехали на шоссе, и вперед. Ехали быстро, но осторожно, УАЗ открытый, стекло опущено, стволы во все стороны. По дороге встретили колонну СВАПО. Они сообщили, что только что вели бой с разведчиками буров. Порохом от стволов действительно воняло. Поехали еще осторожнее, так чтоб мотор не ревел. Доехали до Чибембы, а там нас встречают кубинцы. Усиленный батальон кубинской бригады уже занял оборону вокруг Чибембы. Прошли в наш домик. Вымыли лица от пыли и послушали, что говорят кубинцы. Поняли, что с нашими советниками беда. Один погиб, два ранено, водитель погиб, машина сгорела. Было столкновение с санитарным автобусом, много жертв, и, вдобавок, удар самолета в эту кучу. Естественно мы заторопились вперед, но кубинцы не пустили. Самолеты еще были в воздухе недалеко от Чибембы. Прождали до рассвета и поехали. Место трагедии увидели сразу, как начали подъезжать к Рио-де-Арее. Тот же злополучный мостик. Лобовое столкновение перед узким мостом. Газик выезжал с моста, а автобус «Автосан» въезжал на мост. И все на скорости и без света. Автобус загорелся и в это пламя самолет еще всадил залп ракет. Алексей погиб от удара головой об асфальт, перелом основания черепа. Виталию повезло, только придавило бортом кузова газика, но уже в кювете. Виктора Петровича выбросило из кабины через стекло и сильно поцарапало лицо и тело при ударе об асфальт. Водитель размазан по металлу кабины. И у всех троих наших ни одной царапины от разрывов ракет. Это мы уже узнали от самого Виталия, в госпитале, когда навещали его и Виктора. А в Лубанго мы тогда приехали уже к прощанию с Алексеем. Через час Зина увезла мужа на аэродром, в цинке. Виктор Петрович в бригаду больше не вернулся.

А Виталий через пару дней уехал вместе с нами. В миссии узнали некоторые новости. Приехал еще один какой-то проверяющий из Москвы, вроде как из ГРУ. Появился новый советник начальника артиллерии округа, вместо Шулакова. Это некто Тернопольский Михаил Александрович. Иду знакомиться с начальством. Познакомились, вроде, нормальный мужик, а там увидим. Не возражает, если я поселюсь временно в одной из его комнат. Тем более, что там уже есть некоторые мои вещи, от прошлых приездов. Несколько погодя Шишканов вызвал нас со Славой Гловяком в штаб округа, в кабинет командующего, на беседу с московским гостем. Точнее это была не беседа, а, скорее, доклад командующего об обстановке перед началом агрессии и на настоящий момент. Вот тогда-то мы и узнали, какие силы противостоят 2-й бригаде, хотя и предполагали это раньше. Командующего выслушали, послушали нас со Славой, и на этом все закончилось, свободны. Ни каких выводов, предложений или еще чего, мы не услышали. Тернопольский так вообще потом удивлялся, зачем нас вызывали. Что делали еще в округе, уже не помню, пробыли там дня три, потом вернулись в бригаду. Да, перед отъездом Михаил Александрович предупредил нас, что в скором времени, возможно, в бригаду приедут командующий артиллерией ВС¹⁴ Анголы и его советник, с офицерами штаба. Надо все приготовить к их встрече. Славка тогда еще съязвил, что надо бы, мол, и буров еще предупредить, чтоб не летали. Михаил Александрович, к его чести, понял все правильно, и пикировка обернулась шуткой. На обратном пути опять сделали остановку в Чибембе, поговорить с кубинцами и узнать обстановку. Те предложили подождать их машину, идущую в бригаду,

¹⁴ Вооруженных сил.

в разведроту, а пока попить кофе. Предложение приняли, машину дождались и выехали в Кааму. В бригаде новостей не было, ни плохих, ни хороших. Ознакомили Фарушко с информацией командующего о противнике. Для него, как и для нас это была уже не новость. Просто подтвердилось то, о чем догадывались. Надо было продолжать работу.

После практического уничтожения Каамы, перед советниками встал вопрос, как жить дальше? Дожди начнутся вот-вот. Под деревом станет не уютно. Рыть глубокие укрытия не хотелось, да и, если честно, то забыли, как это делается. Теоретически знаем, помним, но практически.... Решили попросить у бригады большую палатку УСБ. Взяли, установили, перебрались в неё. А, тем более, что к нам вдруг поселились советники прибывшей 3-й пехотной бригады, занявшей оборону во втором эшелоне. Зачем их поселили вместе с нами, ума не приложу. Решение Шишканова. Ну, а нам веселее.

В октябре или ноябре в бригаду действительно приехал командующий артиллерией ВС Анголы с офицерами штаба и советником. Это был период затишья. Самолеты не летали, транспорт бригады разъезжал совершенно открыто.

Закончилось комплектование танкового батальона танками Т-54/55, только вот учить экипажи было негде. Танки стояли укрытыми в капонирах, только башни торчали над землей. Вот у Гены, советника танкового комбата, появилось множество проблем, и первая это как на неподвижных, в силу условий обороны, машинах подготовить грамотные экипажи. Выход нашли, по одному танку из роты перегнали в тыловой район бригады, на полигон. Так образовался своеобразный учебный взвод. На базе которого училось ежедневно по одному экипажу от каждой роты. И урона батальону не было, и резерв танковый в тылах появился.

Появилась возможность развернуть полноценные занятия по обучению солдат обращению с АГС-17, станковым гранатометом. А то до этого времени Валентин Глазов, спец по АГС, был просто внештатной боевой единицей, без определенных занятий. Приехал на месяц-два и застрял. Теперь он и один из переводчиков, чаще Сергей, ежедневно отправлялись на учебное поле учить и тренировать огневые расчеты.

Начались дожди, авиация буров практически не летала, хотя и имела недалеко от границы бетонные полосы, в Кунене, например. Но это нас только радовало. Встретили Новый 1982 год, встречали, естественно, по времени нескольких часовых поясов, начиная с Урала. Просто точнее Урала, из числа присутствовавших, никто не родился и не служил. Саша Казанцев служил в Свердловске. С него и начали отмечать Новый Год. Встретили обильно, но без переборов, что редко бывает в офицерской компании. В положенное время дали салют из всех имевшихся стволов, и на этом, собственно, возлияния закончились. Сидели, конечно, долго, с кофеём, сигаретами, музыкой по транзистору, иногда добавляли понемногу, но не более того. Сказывалось, видимо, ежедневное напряжение и готовность к немедленным действиям. Да и душная, влажная погода не располагала. Вскоре после нового года, советники 3й бригады перебрались к себе в бригаду. И нас в огромной палатке осталось чуть-чуть. Решили перейти в землянки. Они давали хоть какой-то шанс при налете, а палатка что.... Сооружать начали с землянки старшего. Каждый своими силами, с привлечением солдатиков, конечно. Дольше всех продержались в палатках переводчики, и мы со Степаном.

Нам со Степой было несколько сложнее с палатками, поскольку таковых ни в одном из наших дивизионов их

В центре – Валентин Глазов готовит АГС-17 к пристрелке. Слева – переводчик Сергей.

Слева советник командующего артиллерией 5 ВО Тернопольский М.А. и советник командующего артиллерией ВС Анголы Сапожников, на командном пункте дивизиона 122-мм гаубиц Д-30. Каама, октябрь-ноябрь 1981 года.

не оказалось. Зато были в большом количестве солдатские плащ-накидки.

Чем мы и воспользовались, соорудив подобие палатки. Но, конечно, долго такое укрытие нас от дождей защищать не сможет. От не сильных дождей, да, а вот от ливней грядущих... Пришлось и нам заняться сооружением персонального укрытия от дождей. От более тяжелых предметов нас наше укрытие спасти не могло. И от сильного ливня, как оказалось, тоже. Попутно со строительством землянок, толпа ударилась в строительство чего угодно полезного. Соорудили склад продуктов с холодильником. Холодильник был интересный, какой-то западной модели, с баком для керосина или бензина под днищем, и фитилем, ну, как керосинка. Заливали 5 литров разведенного маслом бензина и на три недели, или больше, нет забот. Рядом вырыли кухню, установили газовую плиту. Нашли поваров. И проблем с питанием больше не стало. Около кухни, конечно столовая, оно же место для собраний и прослушивания политинформаций. Слава богу, что хоть политзанятий комиссары не устраивали, хотя один пытался. Попутно, само собой, образовалось место для общего отдыха, под деревом. Там играли в нарды, других игр не помню.

И, наконец, устроили душ и место для стирки. Отхожее место не строили, просто определили район кустиков. Все равно жуки тут же все прибирали. Чисто было вокруг. И запаха не было.

Были отрыты еще землянки для зам по тылу Ивана и Гены, советника танкового комбата. Эта землянка была самая глубокая и укрепленная. Самая удобная землянка была у Саши Казанцева. Вот кто с ним в землянке жил, не помню, кажется, Виталик Раков. Ну, а самая-самая была, конечно, у нас со Степаном! Сначала она капитально протекла во время ливня. Недостаток устранили. А потом,

Палатка переводчиков. Сидит Сергей, на койке Игорь.

при очередном налете, завалилась от ударной волны. Но нас в ней не было.

Потом, во время сильного ливня, она протекла и частично обрушилась на входе и по стенам внутри, несмотря на укрепление стен. Место было с очень рыхлым песком. Нужны были доски для обшивки скатов или ровные кругляки. Но ни того, ни другого под рукой не было. Что могли, то и достали, тем и укрепили откосы. Укрепили плохо, так получилось.

Интересно, что этот ливень, как мне помнится, был самым сильным, больше таких ливней не было. Плавали все землянки. У старшего группы Николая и Славы Гловяка, в землянке по щиколотку стояла вода. В других землянках было не лучше. У нас вода ушла быстро, но слу-

Так выглядел вход в землянку Познахирко, Глазова, переводчиков и техников. Она была самой большой по площади, в ней жили то ли 5, то ли 6 человек. Слева на право: Толя Познахирко, Валя Глазов, Игорь.

Это место отдыха. «Под деревом». Слева на право: Игорь переводчик; Виталик Раков, артиллерист; Валя Глазов, спец по АГС; Толя Познахирко, Саша Казанцев, советники комбатов; Степа Кравец, советник к-ра адн 122.

*Так вот выглядело наше первоначальное жилище,
сделанное из плащ-палаток.*

Потом мы вырыли землянку, и вход в нее был таким.

Вот это называется «устранение недостатков после экзамена ливнем».

чился оползень в проходе. Все эти маленькие несчастья воспринимались тогда нами со смехом. Гораздо серьезнее было то, что нам грозило ежедневно и ежечасно. Атака буров на позиции бригады. В уме мы всегда держали, что они никуда не ушли, где-то рядом. Активно двигалась их разведка. Пыталась вести огонь их артиллерия. Но вот куда они стреляли, я не понял, а откуда велся огонь засек. Подготовили исходные данные, но комбриг огонь открывать запретил. Ведь не по нам же стреляют! Вот понять такое я не мог. «Нас не трогают и мы не трогаем», а то, что почти две провинции оккупированы, что уничтожены две бригады вооруженных сил государства, это не считается. Главное, чтобы по нам не стреляли. Но огонь по артиллерийской батарее буров подготовили.

В один из дней снова пережили налет авиации, попало на этот раз по зенитной батарее 37мм пушек, только что прибывших из Ливии. Досталось и огневым позициям дивизиона. Были повреждены несколько тягачей «КрАЗ», посечены осколками колеса. Но, как заверил техник, к утру все будет в порядке, резину отремонтируем. Как он собирался это делать, не разгружая тяжелых машин, я так и не узнал. Но утром, действительно, тягачи были в строю. Ночью сменили позицию двух батарей в другой район. Одну батарею, третью, так и оставили на «прямой наводке». Первая и вторая батареи переместились в новый район и замаскировались.

Орудийные дворики присыпали песком серого цвета, заставили ветками деревьев. Это чтоб старые позиции не сильно отличались от остальной местности, и не выглядели покинутыми.

Прошло некоторое время, налетов не было, стрельбы артиллерии тоже, разведка движения противника не отмечала. Мирно! Благодать! А расслабляться-то нельзя. Приступили к проведению занятий по управлению огнем без использования радиосвязи. Ежедневно проходили тренировки разведчиков на наблюдательных пунктах. В общем, все как всегда, с поправкой на возможность ведения огня по реальным целям. Хотя и тренировки-то шли по реальным целям. Других просто не было смысла выдумывать.

А реальный огонь дивизион действительно вел. Был случай, когда разведка дивизиона засекала в приборы странные дымы, поднимавшиеся вертикально вверх и разворачивающиеся как бы в обратную от Каамы сторону. Дымы эти располагались как раз вдоль шоссе. Расстояние было больше 30 километров. Сообщили о дымах комбригу, а в это время на КП был советский специалист по ремонту бронетанковой техники, из округа. Так они оба, моментально,

приехали на НП дивизиона и убедились в наличии дымов. Оказалось, что так дым выбрасывают двигатели юаровских танков «Элефант»¹⁵. Насчитали больше 50 дымов. По всей видимости, это был танковый батальон буров. И этот батальон разворачивался от Каамы на юго-восток, на Шангонго. Стали ждать, когда эти дымы все вытянутся вдоль шоссе. А вот в саванне, нагло, на открытом месте, развернулась реактивная батарея буров, «Валькирия», сделала один пуск непонятно куда, и не ушла. Стоит. Фарушко приказал ее обстрелять, благо ее видно с НП. Дали один выстрел, внесли корректуру, и накрыли этих «летающих дев» двумя батареями. Был виден приличных размеров взрыв и два дымных костра вместо машин. Значит попали! Все это дивизион проделал быстро и слаженно. Труды не пропали даром. Фарушко поинтересовался, почему стреляли две батареи, а не все три. Пришлось ему напомнить, что одна батарея стоит на прямой наводке, по его приказу. Видя результативность сосредоточенного огня, он свой приказ отменил. Разрешил открывать огонь по вызову разведчиков. В общем, был доволен. А дымы от танков явственно потянулись вдоль шоссе на Шангонго. Ясно, танки уходят! Следили за ними до темноты, хорошо, что было безветрие, и дым не сносило в сторону. Только стемнело, как Фарушко заторопился на свой КП. Забрались в его «УАЗ» и поехали. А ночь! Ни звездочки! Темень крошечная. Как Фарушко увидел впереди машину и свернул вправо, на обочину, я не успел понять. Но комбриг спас и себя и всех, кто был с ним. Прямо по центру шоссе пронесся «Урал» с солдатами, едва не подмяв под себя нашу машину. Стояли долго, приходили в себя.

¹⁵ «Элефант» (точнее – «Олифант») – улучшенный и модернизированный вариант английского танка «Центурион» (в частности пушка калибра 84 была заменена на пушку калибра 105 мм)

Я и нш (начальник штаба) дивизиона Долизи, за расчетом установок для стрельбы по батарее буров.

В тот же вечер Фарушко издал приказ, регламентирующий правила движения транспорта в расположении бригады в темное время суток.

Второй случай, когда дивизион открывал огонь в полном составе, и я этим руководил, был где-то в апреле, начале мая 1982 года. Огонь тогда вызывался разведгруппой кубинцев по вертолетной площадке юаровцев. Дальность стрельбы была 26 километров. Огонь корректировался разведчиками, а вот результат был виден с наблюдательного пункта дивизиона в виде чадных дымов на горизонте. Тогда, по данным разведки, было сожжено три вертолета типа «Пума» и один легкий типа «Алуэт», еще один вертолет « Пума» разрушен. Насколько были верны данные разведки, мне судить трудно, но дымы в направлении того района наблюдал.

Это орудие третьей батареи, подготовленное к стрельбе прямой наводкой и замаскированное.

А это то же орудие, но во время тренировки по управлению огнем дивизиона. Чехол со ствола не снимался, ветер с песком. Секунды и орудие готово к ведению огня. Примерно так же действовали все расчеты всех батарей при ведении огня по противнику. М-46 калибра 130 мм

Такие вот были случаи, когда я сам руководил огнем подсоветного дивизиона. Ранжел был грамотный командир дивизиона, и подготовлен к выполнению боевых задач, но вот к таким, с быстрой корректировкой огня, готов был не вполне. Зато прекрасно работали орудийные расчеты! Кроме того, все предшествовавшие атаки буров на позиции бригады отбивались с помощью артиллерии, и Ранжел отлично командовал дивизионом. Значит, я не даром ел хлеб и получал зарплату. Смог научить подопечных.

В мае, а особенно в его конце настроение было уже «чемоданное». Вот-вот должна была прибыть замена. Советник начальника штаба округа Боярский несколько раз предлагал мне остаться на третий год и стать советником начальника артиллерии бригады, в той же Кааме, даже за несколько часов до отлета из Лубанго, но я отказался. Устал, а отпуска не предлагали.

Замена произошла настолько быстро, хотя и полтора месяца спустя, в июле, что я не успел даже проститься со многими товарищами. С утра уехали с новым командиром дивизиона на наблюдательный пункт. Новым командиром стал Антонио Жоакин Фернандеш (Долизи), а начальником штаба бывший командир батареи Пауло Франсишку Матозу. Ранжел получил повышение и был переведен в другой округ. Там, на НП, переждали очередной, дежурный, налет самолетов, и поехали на огневые позиции. По дороге встречаем машину из третьей бригады с советником Славой Мязиным за рулем. Мне он говорит – пришла замена, собирайся в Лубанго, я за тобой приехал. Я попрощался с Антошей Долизи и пересел к Славе. Через поля, напрямик, поехали к нашим землянкам. А вокруг убитые быки. Самолет пробомбил стадо быков. В Анголе выращивают быков, коров в стаде мало и они мясные. Проехали мимо, а над некоторыми уже трудятся солдатики. Ну, не пропадать

же добру. Из землянки забрал свои вещи, попрощался со Степаном и еще с кем-то, многие были на позициях, и в машину. В Лубанго приехали во второй половине дня. Доложил Боярскому, он опять просит остаться, отказался.

Поднялся в квартиру Тернопольского, тот был дома. Поздоровались, вопрос – согласился или отказался. Отвечаю, что отказался. Приходит новенький, передаю ему пистолет, предупреждаю, что это со склада дивизиона. Отдаю гранаты. У того глаза на лоб – мол, это еще зачем? Пригодятся. Автомат я уже сдал вооруженцу округа, он остается на третий год. Ну, ему видней.

Хотел показать кое-какие документы новенькому, но у того срочные дела образовались где-то, убежал. Михаил Александрович говорит, ничего я его введу в курс. Ну и ладно. Так мне и не удалось переговорить со сменщиком, а уж тем более не показать дивизион в деле. На следующий день приехал Долизи, но и тот торопился куда-то, качественно проститься не получилось. С Ранжелом и его женой Марией простились накануне вечером, он приезжал к Тернопольскому. Ну, вот и все. Утром следующего дня я улетел в Луанду. А в Луанде, накануне отлета в Союз, встретил товарища детских лет моих сестер, Женю Миняковского.

Зашел к Сапожникову попрощаться. На прощание он посоветовал мне зайти, там же в управлении, в наградной отдел, якобы, я был представлен округом к боевой награде. К какой не сказал. Утром следующего дня я был уже в аэропорту. Регистрация. И прощай Ангола!

14.01.2011г. Киев.

**Некоторые фотографии, не вошедшие
в повествование, но из того же периода жизни**

Виталий Раков. В зоне отдыха «Под деревом». 1981 год.

Зона стирки и помывки. Переводчик Игорь за работой. 1981 год.

*Кайф после хорошего обеда.
Мой тезка, Евгений Петрович,
советник начальника
артиллерии 2-й МПБр.
Тыловой район бригады.
Сентябрь 1981 года.*

*На командном пункте
дивизиона с начальником
штаба и командиром батареи.
Слева – Долизи,
справа – Матозу,
я, естественно, в центре.
10-12.1981 год.*

*С, уже командиром
дивизиона,
Антонио Долизи.
Апрель-май 1982 года.*

*Алексей Степаненко. Погиб при исполнении служебных обязанностей.
09. 1981 год.*

О себе могу сообщить, что окончил артиллерийское училище в 1966 году, служил командиром огневого взвода, взвода управления батареи, командиром батареи. Будучи командиром батареи, заочно учился в артиллерийской академии. Окончил академию в 1978 году, стал командиром дивизиона М-46 (калибра 130 мм), в артиллерийской дивизии ОЛ Лен ВО. Вообще мне повезло со службой. Почти, да какой там «почти» – полностью! Служил в ЛенВО (Ленинградском военном округе), в Германии, опять Лен ВО после Анголы. И все время в артиллерийских частях армейского или окружного подчинения. Гвардейских! С 1980-го по 1982-й год Ангола. Об этом в воспоминаниях.

После возвращения из командировки – начальник штаба арт.полка и начальник штаба артиллерии дивизии. Потом м.н.с. в НИИ РВиА МО¹⁶ в Ленинграде. Занимался вопросами АСУ¹⁷ частей РВиА. Подготовил диссертацию, но на защиту не вышел. Не было смысла. Началась компания по увольнению из вооруженных сил лиц достигших пенсионного возраста. Попал под раздачу. Уволен со всеми полагающимися «почестями» в декабре 1990 года. Подполковник в отставке.

О наградах:

по возвращении из Анголы, в 10-ке, в наградном отделе вручили медаль «За отвагу». Других боевых наград не имею, только юбилейные, за выслугу лет и ветерану ВС.

¹⁶ Научно-исследовательский институт ракетных войск и артиллерии.

¹⁷ Автоматизированная система управления.

Устная история забытых войн.
Мемуары ветеранов войны в Анголе
Гвардии подполковник артиллерии
отставке **Чернецов Евгений Петрович**

Самые памятные дни

Редактор-составитель
к.и.н. Шубин Г.В.

Дизайнер-верстальщик
Рудакова Елена Евгеньевна

Технический редактор
И. Б. Белый

Издатель И. Б. Белый

www.membook.ru
info@membook.ru

Подписано в печать 04.01.2013.
Формат 60x84/16. Бумага писчая.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 8,37.
Тираж 100 экз. Заказ № 40.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «CherryPie»
www.cherrypie.ru
Телефон/факс: +7 (495) 604 4154.
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., д.12.